
ЛЮБОВЬ ОГНЕННАЯ
МАРИАННА
ПОПАДАНКА
В НЕЛЮБИМУЮ ЖЕНУ

Дора Коуст (Любовь Огненная)

Марианна. Попаданка в нелюбимую жену

Серия «Морские приключения (Дора Коуст)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71787001
SelfPub; 2025

Аннотация

Простой поход в кино с подругой обернулся настоящей катастрофой. Мало того, что меня забросило в другой мир, так я еще и оказалась в чужом теле. Но если бы только это!

Очнувшись посреди жуткого подвала, я узнала, что у меня теперь есть муж, который яро желает со мной развестись. И кто я такая, чтобы ему препятствовать? Правда, придется выполнить мои условия и немножко потерпеть меня рядом.

Здравствуйте, меня зовут Маша, и мне предстоит отыскать путь домой.

– романтическое фэнтези
– неунывающая попаданка
– упрямый, но адекватный герой
– противостояние характеров
– увлекательные приключения

– неподражаемый фамильяр
– юмор и ирония
– ХЭ

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Здравствуйте, меня зовут Маша	10
Глава 2. Первые знакомства	25
Глава 3. Муж – штука вредная	41
Глава 4. Продуктовый рай	54
Глава 5. Хвостатый подарочек	68
Глава 6. А коты здесь с крыльями	82
Глава 7. Завоевать недоверие	91
Глава 8. Исправление ошибок	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Дора Коуст
(Любовь Огненная)
Марианна. Попаданка в нелюбимую жену

Пролог

Что может быть хуже, чем незримая тревога, что дрожью отзывается в теле? Чем звенящее чувство опасности, которое никак не получается побороть?

Душа герцогини Арибеллы ар Ригграф словно была не на месте. Все внутри переворачивалось при одном взгляде на Татию, младшую сестру мужа. Она сидела вместе с ними в малой столовой в их летней резиденции, обедала, улыбалась, весело щебетала о чем-то, словно птичка, и выглядела вроде бы как обычно.

Идеальная прическа: пепельные волосы забраны в безупречную ракушку. Идеальное платье – в меру строгое, как и у любой замужней дамы. И…

Улыбчивые серые глаза.

В них-то – в этих глазах – и было все дело. В глубине обрамленных черной каймой радужек уже несколько раз про-

скальзывало серебро. Согласно официальным источникам, Татия магией не обладала, но на самом деле девушка имела мизерную толику от дара влияния. Не больше одного процента от силы, которой обладал ее брат.

Однако и этого хватало для того, чтобы в ее глазах появлялись отголоски чар, предупреждающие всех и каждого, что маг перед ними – опасен. Что именно в этот момент он испытывает сильные эмоции: от жгучей ненависти до безграничного счастья, от всеобъемлющей ярости до заставляющего дрожать волнения.

Но графиня Татия ер Толибо не выглядела как та, кто вообще умеет испытывать яркие эмоции. Она вела себя более чем сдержанно и даже не умоляла брата отослать Арибеллу в какой-нибудь монастырь, как это было в первые месяцы брака.

Собственно, именно настойчивое желание избавиться от герцогини и стало главной причиной, почему сестра мужа теперь навещала их не чаще раза за лунный круг. Сегодня она приехала к ним в двенадцатый раз за этот год. За год ее брака, который уже подходил к концу.

Молодой граф Арсарван ер Айверс Толибо не был ни плохим мужем, ни плохим человеком, и уж тем более не являлся магом. Татии было восемнадцать, когда он взял на себя обязательства по ее содержанию. Их брак изначально являлся договорным, причем каждая сторона получала то, чего желала. Татия – новую игрушку и попытку поиграть в самосто-

ятельность, а Арс – титул, земли и возможность честного заработка.

Этот год они дали друг другу для того, чтобы попробовать создать семью. В конце концов, не всем же требуется любовь. Иногда достаточно взаимного уважения. Но, судя по тому, что граф вообще не появлялся на семейных праздниках и ни разу не приезжал навестить их вместе с женой, ни того, ни другого между ними не появилось.

И все же Татия вела себя сегодня странно. Обычно Арибелла выслушивала хотя бы одну жалобу от девушки в сторону супруга. Но время обеда уже подходило к концу, а золовка так и не обронила ни одного гневного слова.

Решительно взяв все в свои руки, Бель первая озвучила неприятный вопрос.

– Ты уже придумала, чем займешься после развода? – спросила герцогиня нейтрально, уделив особое внимание отвару в чашке. – Ты могла бы погостить некоторое время у моих родителей. Соленые воды Экинарии лечат любые недуги, а морской воздух благотворно влияет на настроение. Смена обстановки пошла бы…

– Не думаю, что мне потребуется поездка, но спасибо за щедрое предложение, – мягко отозвалась Татия, а в ее глазах снова сверкнуло серебро. – Развода не будет. У нас с Арсом все хорошо.

– Я рад, если это так, – произнес Рейнар и перевел взгляд на влетевший через распахнутое окно крылатый вестник.

Они с Татией унаследовали от родителей схожие черты. Герцог имел те же пепельные волосы, но забирал их в косу, и те же искривленные магией глаза. Только красота его была несколько грубой, сдержанной, мужской.

Поймав сложенную в виде птицы записку, он развернул ее и вчитался. Выражение его лица ничуть не изменилось, не дрогнул ни единый мускул, но Бель отлично ощущала его негодование. Дикие гоблины снова нападали на поселения орков у южной границы, и договор с империей трещал по швам.

Герцог слегка склонил голову и поднялся из-за стола.

– Извините, я вынужден покинуть вас на время. Дела не терпят.

– Ничего. Мне все равно уже пора возвращаться к мужу, – Татия мило улыбнулась и тоже поднялась, положив салфетку рядом с тарелкой.

Следом поднялась и Арибелла.

– Не беспокойся, я провожу, – сказала она, на миг утонув в сдержанных объятиях супруга.

И получила сразу два поцелуя: один короткий в губы и второй – касание в лоб. Рейнар всегда так делал, когда оставлял свою жену на длительное время.

Проводив его спину обеспокоенным взглядом, Бель вновь уделила все внимание золовке. Задерживаться после ухода брата Татия не стала и покинула особняк в течение нескольких минут. Но уже у кареты герцогиня снова не выдержала.

На душе скреблись огромные крылатые коты. Демоны, принимающие облик измененных зверей, были запрещены в империи, но их образы часто ассоциировали с грядущими неприятностями.

– Что ты задумала, Татия? – спросила Бель напрямик, не позволив младшей сестре мужа захлопнуть дверцу.

– Я? – нарочито небрежно удивилась блондинка. – Ничего.

– Не ври, – посоветовала герцогиня ар Ригграф. – Это Рейнар готов спустить тебе многое с рук. Я же вижу тебя насквозь.

Татия в ответ зло усмехнулась:

– Тогда тебе стоит проверить зрение у целителей.

Прежде чем кучер дернул поводья и карета тронулась по подъездной дорожке, Арибелла еще успела заметить ядовитую улыбку, что поселилась на губах золовки. Она и правда знала ее слишком хорошо, а потому не сомневалась в том, что вскоре что-то случится.

Плохое ли? Этого герцогиня сказать не могла. Но ей несмотря ни на что хотелось верить только в хорошее. Правда, она не была бы столь оптимистична, если бы услышала последние слова родственницы.

Улыбнувшись невидимому собеседнику перед собой, Татия сказала:

– Арсарван заплатит за все мои слезы.

Глава 1. Здравствуйте, меня зовут Маша

– Ты меня слышишь? Татия, ты меня слышишь? – жужжало вокруг меня настойчивым комаром.

Приятный мужской, наполненный волнением голос слышался будто издалека. Словно я находилась под толщей воды или у меня вдруг заложило уши.

С трудом разлепив веки, я в первую очередь ощутила дикий холод. Перед глазами все расплывалось, зрение никак не получалось сфокусировать на одной точке, но я продолжала пытаться, параллельно щупая ладонями пространство вокруг себя.

Кажется, это был пол. Холодный, каменный, немного влажный. Я совершенно точно лежала на нем, а к замерзшему телу липла тонкая мокрая ткань.

Взгляд сфокусировался на сорочке. Попытка приподняться на локтях сорвала с губ новый стон. Я будто пролежала на этом полу целый век. Мышцы задеревенели настолько, что пальцы на ногах не сразу стали послушными.

А я только их и видела. Все остальное закрывала светлая сорочка длиной до пят. Но прятала не так чтобы хорошо. Из-за впитавшейся влаги преотлично просматривалось все то, что должно было целомудренно возлежать под бельем.

Но белья не имелось. А холод пронизывал до костей, о чем моя грудь сообщала не хуже дачного радиоприемника. Если покрутить, то наверняка можно было поймать радиостанцию.

– Что ты опять натворила?! Чего ты добиваешься?! – вновь услышала я настойчивый голос.

На этот раз он прозвучал совсем близко, а стороннее эхо будто стало меньше. Я больше не слышала стук собственного сердца в ушах и свое тяжелое дыхание. Теперь я слышала только его. Того, кто мыском кожаного сапога затирал рисунок на полу.

Приподнявшись еще выше, я мельком оглядела пентаграмму, в центре которой одиноко возлежала, как колбаса в пустом холодильнике. От злого голоса моего визави стало совсем уж неуютно. От сорочки пахло полынью – уж сколько мы ее на даче перекосили, век аромат не забуду, а в темном мрачном помещении – потухшими свечами.

А они и правда не горели. Наш пятачок освещал канделябр на пять свечей. Он стоял рядом с пентаграммой и, кажется, был принесен этим мужчиной. Свет, исходящий от канделябра, давал рассмотреть все погрязшее во мраке помещение целиком, так что огарки свечей на полу не остались мною не замеченными.

Как и мой собеседник. Я успела осмотреть его странный костюм: кожаные сапоги, темные штаны из плотной ткани и белую заправленную рубаху, – прежде чем он наконец вошел

в пентаграмму и грубо схватил меня ладонью под шеей.

– Чего ты добиваешься?! – повторил он, заставив меня приподняться сильнее.

Нависал так близко, что я ощущала его дыхание. А еще наконец могла рассмотреть лицо.

Его черты были выразительными, почти скульптурными. Карие глаза в обрамлении густых темных ресниц казались черными в этом полумраке. Такие глубокие и затягивающие. Они излучали невероятную уверенность, словно за этим взглядом стояло нечто большее, чем просто физическая привлекательность.

Легкая небритость занимала треугольный подбородок и место над верхней губой. Как сказала бы тетя Дина: мужик должен быть могуч, вонюч и волосат. Последнего добра этому красавчику природа навалила более чем щедро.

Глядя на меня, незнакомец непонимающе нахмурился, а между его широкими бровями появилась заметная складка. Пальцы сами потянулись, чтобы разгладить ее, но брюнет перехватил мое запястье и ощутимо сжал.

Несколько темных прядей тут же повисли по сторонам от его лица. Они вырвались из-под ленты, которой были перехвачены волосы на затылке, и теперь придавали его образу легкую небрежность. Мне давно не встречались мужчины с волосами длиной по плечи, а потому выверты моего подсознания несказанно удивляли.

Я знала, что нахожусь во сне. Ничем иным происходящее

быть просто не могло. И, как в любом сне, я не собиралась терять время зря.

Воспользовавшись тем, что красавчик практически удерживает меня за шею, я обняла его второй рукой и притянула к себе, чтобы впиться в его губы не хуже пиявки. Этот сон мог закончиться в любое мгновение, а потому следовало успеть нацеловаться с ним вдоволь.

Едва наши губы соприкоснулись, как меня словно молнией поразило. Ток прошел по позвоночнику вверх и ярким салютом ворвался в затылок, на какое-то время лишая не только зрения, но и связи даже с этой выдуманной реальностью. Прижимаясь к губам незнакомца, я не надеялась, что он ответит мне. Но он ответил, да еще как, однако сам, похоже, на такую подставу от собственного тела не рассчитывал.

С трудом оторвав от себя, он взглянул на меня с куда большей яростью, чем прежде.

– Перестань, – зло выдохнул брюнет и вдруг встряхнул меня за плечи. – Твои попытки соблазнить смешны. Перестань унижать себя, Татия! Мы разведемся, и этого не изменить.

– Разведемся? – переспросила я с непониманием.

А когда это мы успели пожениться? И какого Мурзика меня называют другим именем?

В следующее мгновение меня грубо закинули на плечо. И именно в этот момент до меня дошло, что происходящее сном не являлось.

– Куда?! – возмутилась я, повиснув головой вниз ровно

над аппетитной задницей.

Ягодицы, обтянутые штанами, двигались столь ритмично, что я невольно залюбовалась. Но только на миг! Попытка выпрямиться также позволила мне оценить ширину чужих плеч, высокий рост этого грубияна и крепость арочных проемов в этом подвале.

В голове мгновенно зазвенело. Удар затылком был не слишком сильным, но от неожиданности меня откинуло обратно. На плече брюнета я повисла словно мешок картошки, но, судя по всему, его это особо не расстраивало. На мое тихое «Уй!» он даже не отреагировал и продолжил утаскивать меня вверх по каменной лестнице.

Дорогу нам по-прежнему освещал лишь канделябр.

Но полумрак долго не продлился. Я аж зажмурилась, едва мы вышли в хорошо освещенный коридор. Длинный и просторный. Он чем-то напоминал мне коридоры в школах. Наверное, тем, что по правую сторону располагались большие окна с широкими подоконниками, а по левую – одинаковые двери без каких-либо табличек и обозначений.

Завертев больной головушкой, я попыталась рассмотреть виды за окном. Но заерзала столь интенсивно, что меня ощутимо тряхнули, закидывая обратно на плечо.

Подумаешь, сползла немного! Как будто ему было тяжело меня нести!

О нет! Эти бугристые мышцы, спрятанные под рубашкой, однозначно знали, что такое ежедневные тренировки –

я на таких красавцев в институте вдоволь насмотрелась. Они приходили заниматься айкидо сразу после наших занятий по йоге и с удовольствием щеголяли в коридоре в распахнутых кимоно.

Однако внешний вид моего личного садюги конкретно в этот момент не имел никакого значения. Я понятия не имела, кто он, где находилась сейчас и чего от меня хотели. Нет, про развод я слышала – не глухая же, но вкупе с этим маленьким мероприятием из его уст звучало другое имя.

«Татия!» – шипел он, сверкая потрясающими карими глазищами. По всему выходило, что обращался брюнет к некой Татьяне, которая уже успела натворить дел, в отличие от меня. Но меня-то с этим именем ничего не связывало!

Вот если бы он сказал «Анна» или в крайнем случае «Маша» – тут мои родные мама с папой постарались, в двадцать первом веке назвав меня Марианной, – то я бы еще подумала, откуда у меня взялся муж и какого Мурзика я возлежала в пентаграмме, а так…

Однозначно происходило что-то странное. Что-то, чему мой мозг, несмотря на все попытки, не находил разумного объяснения.

Заприметив холл незнакомого поместья, построенного в лучших традициях аргентинских сериалов, я окончательно подзависла и передумала бунтовать.

Влажная сорочка по-прежнему неприятно липла к телу, но теперь меня изо всех сил грел мой горячий во всех смыс-

лах визави. Да и на плече у него мне было относительно удобно. Так он, по крайней мере, не видел моего ошарашенного лица. А я могла во всей красе рассмотреть большие окна, высокие потолки с массивной хрустальной люстрой, широкую лестницу из красного дерева и даже мраморный пол.

Мебель тоже отличалась особыми вывертами судьбы. У нас такую, конечно, можно было заказать, но за невероятно баснословные деньги и у частника-мастера на все брюки. Это вам не ДСП и ширпотреб с маркетплейса. Тут и линии, и изгибы, и стежки.

Но больше всего меня, конечно, поразил утопленный в стене камин, рядом с которым разместился мягкий гарнитур. Он явно не был декоративным.

Часть холла отвели под что-то вроде гостиной. Другая часть странно пустовала.

Нет, мебель здесь тоже имелась, но по большей части приставная. Узкие столики с двумя ножками, наверное, были присобачены прямо к стене, а поверх прямоугольных столешниц скучали небольшие статуэтки, цветочные вазоны или вот графин на подносе в компании нескольких стаканов.

Увидев желанную жидкость, я как-то разом ощутила необъятную жажду. Даже причмокнула сухим ртом, но каяться было поздно. Меня уже утаскивали вверх по лестнице, так что дотянуться до драгоценного напитка не представлялось возможным.

Есть, кстати, тоже хотелось. Из-за неудобной позы я не

сразу ощутила голод, но то, что он был, теперь чувствовала особенно. Меня словно пару дней не кормили и столько же держали на пресловутом зеленом салате, выдавая по листочку на каждую трапезу.

А маньяк по-прежнему не издавал ни звука. В том, что я попала в руки асоциального элемента, теперь не сомневалась. Это я висела вниз головой, а мой мозг безостановочно думал, подвергнутый внешнему воздействию. В смысле кровушка к нему активно приливала.

И доприливалась! Я такое в фильме про пятьдесят проблем миллиардера видела. Там один красавчик тоже на богатстве поехал и решил, что ему нужна симпатичная жертва. Даже комнату ей в своем пентхаусе выделил, чтобы, значит, она ему доступна была, когда ему в голову снова стрельнет.

Если меня сейчас притащат в игровую без плейстейшн или спальню с большой кроватью…

А брюнет тем временем не замедлялся. Наоборот, ускорился, преодолев пролет словно ветер. Затащив меня на второй этаж, он вошел в правый коридор и благополучно толкнул третью по счету дверь.

Увидев миленькую гостиную, оформленную в светлых тонах, я снова завозилась, желая рассмотреть все получше, но меня совершенно бесцеремонно шлепнули по заднице. Не больно, не страстно и даже не с намеком на продолжение банкета, а просто…

Да обидно!

И пока я собиралась высказать все, что думаю про всяких там богатеньких похитителей, меня все-таки притараканили в спальню. И даже бултыхнули на большую кровать, застеленную светлым покрывалом, скинув, точно как тот самый мешок.

И вот как-то так получилось, что, пока кувыркалась, я сорвала черную ленту с волос брюнета. Она осталась в моих пальцах, и я быстренько спрятала ее под себя.

Не каяться же в самом деле за похищение аксессуара? Я и так отчетливо ощущала пятой точкой, что сейчас начнется великая буря. В том смысле, что на меня будут ругаться.

Имелась у меня с самого детства такая способность. Задницу во всех ее проявлениях я предсказывала покруче всяких там экстрасенсов.

– Сиди здесь и не смей выходить! Ты должна подумать над своим поведением! – припечатал красавчик, распрямившись во всю ширину плеч.

– Я вам ребенок, что ли? – усмехнулась я, не сдержавшись.

Да мне даже тетя Дина так никогда не говорила. Просто знала, что меня не переупрямить, а потому запирать в комнате бесполезно. Если надо, я могла и из окна вылезти. Благо жили мы на первом этаже, а окна не имели решеток, потому что воровать у нас было нечего.

В семье, где жили четверо детей примерно одного возраста, что-то дорогое появлялось редко. И обычно этим редким являлась колбаса. Ну или торт по праздникам. Правда, исче-

зали они столь же стремительно, как и приносились из магазина.

– Ты хуже ребенка, – произнес брюнет на полном серьезе. – Я устал от тебя, Татия. Сейчас я просто жду, когда срок нашего брачного договора выйдет и императрица разведет нас, не спрашивая твоего мнения. А теперь ответь, что ты делала там, внизу?

– Я… – попыталась я в принципе вставить хоть слово.

– А впрочем, неважно. Я и правда слишком устал от твоих детских выходок. Не попадайся мне на глаза.

С этими словами он окинул меня презрительным взглядом и покинул светлую спальню, не забыв от души хлопнуть дверью. Со стены над комодом тотчас слетела картина с ненавязчивым изображением розового букета.

– Мужлан! – выкрикнула я в закрытую дверь, чтобы просто оставить последнее слово за собой.

Но вопреки моим надеждам хозяин поместья обратно не вернулся. А ведь у меня к нему имелось множество вопросов. Так много, что я затруднялась ответить, с какого лучше было начать.

Вытащив из-под себя тонкую черную ленту для волос, я осмотрела ее и так и этак, намотала на запястье как трофей и ненароком повернула голову. Задумчивый взгляд встретился с отражением в напольном зеркале, но до меня не сразу дошло, что что-то не так.

И дело было не в овальной раме из светлого дерева!

– Да чтоб к вам коты весь март на балкон лазали! – вслух выругалась я и повернулась на кровати так, чтобы встать на колени перед зеркалом.

О да, в отражении на меня смотрело абсолютно не мое лицо. Это была не я! Вместо моей роскошной каштановой шевелюры у этой дамы имелись белые волосы, выкрашенные оттеночным бальзамом в пепельный цвет.

Она его под цвет глаз подбирала, я точно знала!

Словно не веря себе, средним и большим пальцами я потрогала узкие скулы, а затем надавила на полные губы и приподняла кончиком указательного пальца слегка вздернутый нос. Не понимала, как такое произошло, но, глядя на меня шокированными серыми глазами, из отражения смотрела Машка.

Моя лучшая подруга Мария Шевченко.

Но смотрела-то я на себя!

Я зажмурилась до боли в глазах, до мерцающих пятен, что заерзали, будто в линзе калейдоскопа. Открыв веки, судорожно выдохнула и села удобнее, спустив ноги на пол.

Смотрела на Машку, на ту, кого почти всю свою жизнь считала сестрой, и не понимала. Я знала каждую черточку на ее лице, знала каждую родинку, даже ту волосатую под коленкой, и все шрамы, что появились еще в далеком детстве. Я…

Оценив собственную мысль по достоинству, я спохватилась и скорее задрала влажную сорочку, обнажая бедро. Там,

на правой ноге, должен был находиться шрам в виде сидящей египетской кошки. Машка лично выцарапала ее иголкой, имитируя тату, когда тетя Дина не разрешила ей сделать настоящую татуировку.

Еще бы! Машке тогда было одиннадцать! Но тонкие выбеленные полоски рисунка оставались на ее бедре по сей день. Как напоминание о детской глупости и важности изучения геометрии.

Когда Машка стояла прямо, сидящая на задних лапах кошка лежала мордой вниз, словно ее придавил непропорционально тяжелый хвост.

Оценив девственно чистое бедро без единого намека на шрам, я без резких движений скромно села обратно на кровать. Волосатая родинка под коленом имелась, темное родимое пятно на животе над пупком тоже, а вот шрам словно корова языком слизала.

Побарабанив пальцами по светлому покрывалу, я постаралась вернуться в свои самые последние воспоминания, предшествующие этому дурдому. Утром мы с Машкой чуть не подрались из-за бутерброда, потому что ее Толик сожрал вчера вечером весь хлеб.

Толиком звали наглую тощую таксу, которую Машка приперла к нам на съемную квартиру в прошлый вторник. Она божилась и клялась, что взяла собакена на передержку, но по тому, как эти двое лобызались, становилось понятно, что Толик с нами надолго. Он отлично вписался в компанию к

попугаю-матерщиннику, трем рыбкам с выпученными глазами и дворовому коту Мурзику, который гадил исключительно в мои тапки.

Машка говорила, что от большой любви.

От души почесав макушку, я напряглась сильнее. Точно помнила, что в знак примирения Мария предложила сходить в кино. Ей как раз на счет упала стипендия, так что попкорн был с нее, а билеты с Пушкинской карты, которой мы пользовались последний год.

Собственно, именно эти карты выступали спонсором нашего досуга, потому что денег у двух студенток с живностью на шее было не так уж и много. Между хлебом и зрелищами я, как и Толик, всегда выбирала мучные изделия.

Откинувшись на мягкий матрас так, что ноги мои продолжали стоять на полу, я снова закрыла веки. До кинотеатра мы с Машкой точно добирались пешком, потому что двести восемьдесят рублей на дорогу на двоих в обе стороны – это вам не хухры-мухры.

Я даже помнила, что пришли мы впритык. Только и успели оплатить билеты, как начался фильм. Но в зал не побежали. Машкин мочевой пузырь сказал свое веское слово, и мы отправились изучать женский туалет. Пока подружка делала свои дела, я ответственно держала обе наши сумки, и вот тогда…

Едва Машка скрылась в кабинке, в туалет вошла пожилая уборщица. Она грузно приваливалась на одну ногу, нес-

ла пустое ведро в одной руке, а швабру с намотанной на нее тряпкой в другой.

Я еще обратила внимание на ее нос. Огромный, крючковатый, с бородавкой у самого кончика. Всматриваться не хотелось, да и некрасиво было, но женщина сама обратила мое внимание на себя.

Когда она заговорила, я увидела ее мутные, словно скрытые за пеленой, глаза.

– Кто здесь Маша? – спросила она глухо, заскрипев, словно старая телега.

– Здравствуйте, меня зовут Маша, – вежливо отозвалась я, но больше ничего сказать не успела.

Мне в глаза ударил белесый дым. Его было так много, словно кто-то бросил мне под ноги дымовую шашку. Я закашлялась, голова закружилась мгновенно. Появилось чувство родом из детства, будто меня закрутило на карусели и протащило.

Пожалуй, в последний раз нечто похожее я испытала на первом курсе, когда мы впервые вырвались из-под опеки приемной мамы и налакались на культурном мероприятии в честь поступления. Я тогда полночи в обнимку с тазиком провела, а Машка уснула прямо в туалете на коврике, в качестве одеяла использовав полотенце.

И если в тот раз я какой-то дряни напилась, то в этот однозначно надышалась. До галлюцинаций! Прежде чем я очнулась в подвале в центре пентаграммы, мне привиделся цве-

тущий яблоневый сад, растущий прямо на камнях. Под раскидистыми словно белоснежными ветками сидела чернявая девочка лет семи и гадала на лепестках на любовь.

– Не полюбит, – произнесла она, оторвав последний, а я…

А я услышала голос красавчика и наконец разлепила веки, обнаружив себя посреди мрачного подвала.

И вот я тут.

Вновь заняв сидячее положение перед зеркалом, я отказывалась признавать себя сумасшедшей. Но посмотрев на свое отражение, задала самый логичный в такой ситуации вопрос:

– Машка, ты здесь?

Глава 2. Первые знакомства

Ответа от себя я не дождалась ни через пятнадцать минут, ни через полчаса. Мое отражение в зеркале было самым обыкновенным, кроме того, что принадлежало не мне. Я словно пыталась вызволить невидимую взгляду Алису из Зазеркалья, чувствуя себя при этом героиней абсурдного спектакля, за которой исподтишка наблюдали встревоженные санитары.

– А хочешь, я со своей зарплаты специально для Толика хлеб покупать буду, а? – спрашивала я, подлизываясь. – Ты хоть намекни, глазом там подмигни, что ты в заложниках. Вот как мне понять, что ты там?

Никак. И это не Машка мне ответила. Это я сама себе мысленно ответила, устав разговаривать с зеркалом. Почти каждый сантиметр этого тела принадлежал моей подруге, это были ее изящные черты лица, ее мягкий взгляд, ее пальцы пианистки, так и не окончившей музыкальную школу.

Но в этом знакомом до боли теле сейчас сидела моя душа. Как так получилось, я разумом объяснить не могла. Логике происходящее не поддавалось, а потому мой математический склад ума буксовал.

И как она теперь без меня?

А я без нее?

Говорят, дети плохо помнят первые годы своей жизни, но

я отчетливо помнила тот день, когда тетя Дина забрала нас с Машкой из детского дома. Она хотела взять только ее: подруге тогда было три, а мне уже исполнилось четыре, но мелкая вцепилась в меня мертвой хваткой и при любой попытке разъединить нас орала как раненый медведь.

Пришлось тете и меня с собой забирать. Причем на тот момент у нее уже имелось двое своих детей. Мальчишки-погодки как раз были моего возраста, а где трое, там и для четвертой место нашлось.

Тем более что дочку тетя Дина хотела сильно. Но Бог не дал, после второго парня забрав саму возможность иметь еще детей. Да только тетка не растерялась. Два раза в неделю она приходила в детский дом для проведения занятий по коррекции речевых нарушений и там присмотрела Машку.

Имея официальную зарплату, трехкомнатную квартиру в собственности и замечательного понимающего мужа, тетя Дина прошла обучение и оформила на нас патронат. С тех пор мы с Машкой не расставались. Ходили в один класс, гуляли с одними и теми же ребятами и даже в институте учились вместе.

Так как же я оказалась в ее теле? Или не в ее? Брюнет называл меня именем Татия, а себя вообще моим мужем, так что…

Устав от вороха собственных вопросов, я поднялась на ноги. Лучшее, что я сейчас могла сделать, – это как следует осмотреться.

Да, голова все еще кружилась. Да, не иначе как от голода в теле расстилалась слабость, а подсыхающая сорочка липла к коже. Да. Но я старалась не обращать внимания на эти мелочи. Снаружи светило яркое солнце, в комнате было тепло и приятно пахло, а под босыми ногами мялся пушистый ковер.

Прогулявшись по спальне, я осторожно выглянула в гостиную и никого там не нашла. Брюнет действительно ушел, наивно надеясь, что я послушно стану сидеть взаперти. Но это он просто меня пока плохо знал. Я всегда все делала по-своему.

Правда, на этот раз наши взгляды с хозяином дома совпадали. Мне однозначно не следовало гулять по поместью без надобности. Для начала стоило изучить эти комнаты, перепавшие мне, так сказать, во владение. В спальне, кстати, имелся приличный полукруглый балкон с ограждением из высоких белых столбцов и широкого подоконника.

Кажется, это называлось балюстрадой.

Выбравшись на полукруглую площадку, я в первый миг потеряла дар речи. Челюсть отвисла непроизвольно, пока я прикрывалась руками от солнца, во все глаза глядя на горизонт.

Я однозначно находилась сильно за городом. Под окнами распластался внушительный сад с фруктовыми деревьями, фигурно выстриженными кустами и яркими цветочными клумбами между дорожками. Здесь даже рос виноград. Свисал крупными гроздьями, занимая собой внушительные

плантации.

Я пригляделась к незнакомой местности. Что слева, что справа не просматривалось ни конца ни края этим зеленым насаждениям. А вот прямо, за высоким кованым забором, среди густых крон проклевывалось что-то вроде строений.

Только это были не стеклянные высотки и даже не пятиэтажки из панелей. Что-то темное и серое, с незначительной высотой и амбициями, что просто не получалось рассмотреть из-за деревьев.

И куда я, спрашивается, попала?

Пожалуй, к этому времени у меня уже нашлось на выбор целых два объяснения происходящему. Либо в туалете кинотеатра коварная уборщица дала мне по голове, отобрала у меня обе сумки, и сейчас благодаря ее стараниям я лежала в коме, ловя галлюцинации от сильнодействующего обезболивающего. Либо же…

Я не только оказалась в другом теле, но и в другом мире!

Причем вторая теория казалась правдоподобнее первой. Просто на Земле я два солнца одновременно еще ни разу в жизни не видела. В нашей Солнечной системе имелось только одно.

А тут висели. Точнее, стояли. В общем, катились себе по голубому небу одно за другим, отличаясь разве что яркостью. Одно горело как не в себя, и, глядя на него, приходилось прятать глаза за руками и щуриться, а другое имело красноватый оттенок, словно вот-вот должен был случиться

закат.

Не сдержавшись, я на всякий случай еще раз ущипнула себя за запястье. Больно было до слез, но эта боль не затмевала тихий ужас. От осознания случившегося он словно змея медленно пробирался в душу.

Услышав странный звук внизу, я отвлеклась от собственных мыслей и осторожно подошла ближе к ограде. Двигалась буквально на цыпочках, чтобы не выдать свое местоположение, и сто раз себя поблагодарила за это, когда увидела посреди сада прямо под балконом муженька.

Обнаженный по пояс, он так лихо в две руки кромсал мечами ни в чем не повинный деревянный столб, что я невольно залюбовалась. Однако вовремя вспомнила, кто являлся причиной его плохого настроения.

Это была я. И мое присутствие в качестве зрителя, кажется, заметили.

Будто ощутив мой взгляд затылком, брюнет в последний раз крутанулся на месте и развернулся так, что теперь стоял лицом к балкону. Не желая быть застигнутой, я резко ушла вниз, скрываясь за бочонками ограждения.

Очень надеялась, что они спрячут мое бессовестное подглядывание.

Однако я сама себя чуть не выдала. Едва не присвистнула, когда верхняя часть несчастного деревянного столба за спиной мужчины просто отделилась от основного сооружения и по косому срезу покатилась вниз. Внушительное брев-

но беззвучно брякнулось в траву, но мой взгляд ему уже не принадлежал.

Я смотрела на поблескивающую от пота грудь того, кто называл себя моим мужем. Приятно оформленные глазу мышцы пересекали застарелые шрамы от когтей, словно хозяин поместья однажды повстречал на своем пути тигра. Или кого-то столь же крупного, кто мог бы одной лапой нанести такие глубокие раны.

Впрочем, их наличие ничуть не отталкивало. Тот, чьего имени я пока не знала, имел привлекательную внешность. Не мужчина, а мечта из социальных сетей. В моем мире за его рутинными буднями однозначно наблюдали бы миллионы восхищенных девушек по всему миру.

Засмотревшись на подтянутое, совсем не перекачанное тело, я по инерции подняла глаза выше и все же встретилась с темным взглядом. Моя реакция была мгновенной – перевернувшись к мужчине спиной, я зажмурилась и вжалась в бочонки ограждения, словно это могло помочь. Сердце от необоснованного страха стучало где-то у самого горла, пока я в панике раздумывала, что делать дальше.

И о чудо! Здравая мысль все же посетила мою голову, но поздно. Я даже по лбу себе ладонью стукнула, испытав стыд. Просто я ведь женой его являлась, а значит, могла не прятаться и наблюдать за ним, имея полное на то право.

Интересно, почему он так сильно хочет развода?

Нет, что жена ему досталась с изюминкой, это я по его вы-

пученным от злости глазам поняла. Да и пентаграмма явно не сама себя нарисовала. Но откуда же столько ненависти в глазах? Неужели изюм оказался размером с виноград?

Задумавшись над тем, как буду выбираться с балкона, я не сразу заметила в дверном проеме незнакомую девушку в белом переднике поверх светло-серого платья. Увидев меня на балконе, она вдруг присела в книксене, точно намереваясь что-то сказать.

И пусть мое разоблачение уже состоялось, я не хотела попадаться столь явно, а потому изо всех сил махала ей рукой, намереваясь выбираться исключительно ползком. В этом жесте, как мне казалось, легко угадывалось: «Сгинь немедленно!» – но эта милая девушка вдруг посмотрела на меня как на придурочную и приветственно помахала в ответ.

– Вам нужна моя помощь, Ваше Сиятельство? У вас снова случился приступ мигрени? – участливо, но с опаской спросила она.

Закатив глаза до самого затылка, я вооружилась всей имеющейся у меня гордостью и решительно поднялась на ноги. Прямую спину сверлил чужой взгляд. Даже между лопатками почесать захотелось, но я стоически сдержалась.

– Уже даже дома за мной следишь? – прилетело мне ехидное прямо в спину.

Но за этим ехидством вновь четко угадывалась злость. Раздражение, накопившееся не за сегодня.

– Просто свежим воздухом дышала, – громко оповестила

я и горделиво удалилась с балкона, крепко схватив служанку за локоток.

Никем иным это чудо в белом переднике быть не могло. У нее даже накрахмаленный чепчик имелся.

Да только мой будущий информатор, кажется, собирался хлопнуться в обморок.

На первый взгляд служанке было не больше восемнадцати. Под светлым чепчиком прятались волосы цвета соломы. Бледно-голубые глаза скрывались за куцыми ресницами.

Пока я ее рассматривала, на ничем не примечательном лице красными пятнами расцвело смущение. Ее мое внимание явно тяготило, и я хотела знать почему.

– Напомни-ка, как тебя зовут? – поинтересовалась я задумчиво.

– Имка, – пропищала девица севшим голосом и неожиданно сглотнула.

Даже так? Кажется, меня изо всех сил боялись. Неужели супруга хозяина среди слуг заработала репутацию вздорной девицы? Я еще не могла отойти от того, что здесь в принципе слуги имелись, а тут такие новости!

Примерять на себя славу Елизаветы Батори не хотелось, но вполне обоснованные опасения на этот счет уже закрадывались. Пусть место, в которое я попала, не походило на средневековье, мне еще не довелось увидеть мир за стенами этого поместья, а значит, я еще не могла в полной мере осознать, насколько сильно влипла.

А я ведь влипла! Боже! Другой мир!

Собрав себя в железный кулак, я медленно выдохнула. Взять, например, моего муженька. Нет, мечами забавы ради и у нас некоторые энтузиасты вертели, но чтобы ими столбы рубить…

Или вот освещение. Что-то мне подсказывало, что электричеством тут не пахло в принципе. Хотя бы потому, что настенные светильники не имели лампочек. Я сейчас как раз на такой смотрела. Но ни выключателя, ни веревочки, за которую нужно дернуть, мне визуально отыскать не удалось.

И это было сложно. Как человек, рожденный в эпоху небывалого прогресса, про свой мобильник я вспоминала уже несколько раз, по привычке пытаясь отыскать его в кармане, которого не было. Да что там карман? На мне и белья под сорочкой не нашлось, но последняя уже хотя бы высохла и утратила статус развратной.

– Имка, а я хорошая хозяйка? – спросила я в лоб, не желая ходить вокруг да около.

– Самая лучшая! – горячо заверила девушка и отчаянно закивала как китайский болванчик.

Только глаза нехорошо так забегали. Боязливо. Словно она уже искала пятый угол, в котором собиралась от меня прятаться. Нет, может, иной раз страх – это и хорошо. Особенно когда ты находишься в незнакомом для себя месте и боишься не ты, а тебя. Но в этом случае правды не дождешься, а мне сейчас нужна была именно правда.

– Понимаешь, Имка, тут такое дело… – протянула я осторожно, тщательно подбирая слова. – Я тут головой ударилась нечаянно, пока муж меня до спальни нес, и напрочь забыла все на свете. Ну… Про себя. Про мужа там своего. Про семью?

С каждым произнесенным мною словом глаза служанки становились все больше. Если она сейчас хлопнется в обморок, ей-богу, водой из графина окачу!

Снова ощутив дикую жажду, я отдала свой первый в жизни барский приказ. Причем воду мне принесли из спальни, тихо посетовав на то, что графины-то в поместье закончились, а потому и в гостиную поставить нечего. Из невнятной речи зашуганной Имки я поняла, что Татьяна из буйных. В том смысле, что посуду любит вдребезги крушить, а графины-то красивые, стеклянные, пузатые. Видимо, и бились легко, и осколков получалось много.

– Так что там? Про меня можешь что-нибудь рассказать? – попросила я, от души налакавшись живительной влаги.

Но ничего по-настоящему важного я из Имки так вытянуть и не смогла. Она все твердила, что хозяйка хорошая, хозяин замечательный и вообще все молодцы, а она ничего не знает, в дела хозяйские не лезет, потому что не положено.

И вот я прям расстроилась. Узнать подноготную Татьяны у служанки казалось мне делом плевым и уже решенным, так что к трудностям по выуживанию информации я готова не была. Хотелось уже понять, чего ждать, но, если честно, я

все еще рассчитывала, что это сон.

Какой-то очень малой и очень наивной частью себя.

Разумная же отправила служанку восвояси, чтобы не мешала осматривать комнаты. И вот тут-то ко мне и подкралась неожиданность.

– Ваше Сиятельство, я тут вспомнила… – робко произнесла Имка уже на пороге моей спальни.

– Да-да? – отозвалась я, изучая пространство за второй имеющейся в спальне дверью.

Там нашлась встроенная гардеробная. Я аж присвистнула, оценив количество нарядов. Платья в полумраке висели в два ряда и занимали собой все пространство.

– У вас же дневник личный есть. Вы туда все всегда записываете, – ответила служанка и сбежала еще до того, как я вынырнула обратно в спальню.

Понимающая улыбка не сходила с моих губ. Девица оказалась с подковыркой. Видимо, решила держаться подальше от новых выходок своей хозяйки.

Ну а я что? У меня вариантов оставалось немного. Осмотрев свои новые хоромы придирчивым взглядом, я таки пошла устраивать бардак.

Причем наводить беспорядок я умела виртуозно. Мне и получаса хватило, чтобы перевернуть всю спальню от пола до потолка. Из особо ценного мною были найдены украшения, которые поражали не только воображение, но и мой математический склад ума.

Если все это и правда было изготовлено из золота и драгоценных камней, то жили мы с муженьком выше всяких похвал. И это не считая мешочков с золотыми, серебряными и медными монетами.

Еще одной находкой и одновременно самым большим разочарованием стала ночная ваза. Глянув на нее с укоризной, я таки решила потерпеть еще немного. В голове сразу появился образ, как я устраиваюсь на этом троне в гардеробной, чтобы, так сказать, подальше от чужих глаз, и именно в этот момент в спальню заходит муж. Без стука, без предупреждения, без объявления войны.

И это даже логично. В конце концов, он же муж, а значит, спать и делить квадратные метры нам по закону полагалось вместе. Наверное.

Эта во всех смыслах ошеломляющая мысль меня отрезвила. А ну как потребует в первую же ночь супружеский долг выполнять. И это без ухаживаний и цветочков.

Придется перед сном баррикадироваться.

Оглядывая бардак, устроенный в лучших традициях обысков, я как-то неудачно оперлась спиной о ближайшую к кровати стену. Ее часть оказалась потайной дверью, которая вдруг решила открыться.

Не ожидая такой подставы, я приземлилась мягким местом прямо на пол, после чего выдала все свои знания в русском матерном, но когда обернулась…

Это была лучшая моя находка за проведенные в этом мире

часы. Оценив предприимчивым взглядом бассейн, я решила, что дневник Татьяны совершенно точно спрятан в нем. Вот в этой теплой водичке, которая лилась прямо из-под крана, стоило повернуть самые настоящие вентили.

Боже, да тут даже унитаз допотопный имелся! Он походил на деревянный стул с квадратным сиденьем и откидной крышечкой.

Пожалуй, в последний раз я так радовалась примитивному клозету, когда тетя Дина наконец заменила старый дачный туалет на новый. Правда, прежде случилась неприятность. Пока мы ехали за ним за тридевять земель, кто-то ушлый уже тащил его к себе на дачу, потому что мастер документы на свои товары не оформлял и, соответственно, раздавал их методом проб и ошибок.

Но три женщины против одного мужика – это страшная сила. Когда у тебя названые братья – известные хоккеист и боксер, – это частенько решает многие проблемы. Жаль только, что не все. Отсюда, где бы ни находилась, я им точно позвонить не могла.

А интересно, имеются ли братья у Татьяны? Такой аргумент, как жалоба старшему брату или отцу, должен был безоговорочно действовать во всех мирах, так что выяснить этот аспект стоило как можно скорее.

Если с мужем договориться не получится, я пойду рыдать. Но это, конечно, будет крайней мерой. Еще неизвестно, как отреагируют родственники на мой глобальный провал в па-

мяти и воспитании.

Что-то настойчиво мне подсказывало, что я этому миру не подходила.

Дневник Татьяны я искала со всем имеющимся у меня рвением. Перенюхав все баночки, скляночки и иже с ними, я от души накупалась. Занырнув в гардеробную в мягком полотенце и пушистых тапках, вышла оттуда только минут через двадцать, но зато победила в неравной борьбе.

Мною в кромешной тьме было найдено приличное белье.

Правда, о целомудренности, глядя на него, думать как-то не получалось. Просто потому, что белье было черным и кружевным, спрятанным в дальний угол рядом с шарфами.

Натянув на себя эту вызывающую прелесть, я все-таки разжилась платьем. Из всех воздушных облачков разной степени одухотворенности это выглядело самым серым, самым грустным и самым чопорным. В нем однозначно принимали в монастырь, а если получится раздобыть того же цвета платок, то меня вообще сразу главной матушкой сделают.

У леди в таком наряде априори чистые помыслы!

Насмотревшись на Машкину моську в отражении, я устало бухнулась на кровать. Пыталась гнать от себя тягостные мысли. От постельного белья приятно пахло цветами, но еще приятнее было вытянуться всем телом и положить загребущие ручонки под мягкую подушку. Не зная, как еще выйти из этой ситуации, я рассчитывала заснуть и проснуться уже в своем мире и в своей постели, но…

– Да кто ж так личные дневники прячет? – возмущенно спросила я вслух, вытащив на свет божий небольшую книженцию.

Выглядела она как нечто неубиваемое. Синяя кожаная обложка с рисунком под змеиную чешую имела толщину в половину сантиметра, а сам дневник – сантиметров в пять, но при этом по весу казался упитанным кирпичом.

Между краями обложка была соединена металлическим замком, который в своем центре имел круглое отверстие размером с двухрублевую монету. В него следовало вставить что-то выпуклое. Что-то, что, по всей видимости, являлось ключом.

Энтузиазм первооткрывателя умер во мне примерно через полчаса. Перебрав содержимое всех шкатулок и не отыскав ничего, что походило бы на ключ, я пыталась вскрыть дневник всеми доступными для меня средствами.

Даже заколку ненароком сломала, а она однозначно стоила больше, чем эта книжка для записей. Прямо злость разбирала – хотелось выкинуть в окно и забыть, но мое природное упрямство не давало мне спуску.

Я собиралась вскрыть эту железяку во что бы то ни стало!

Однако в мои планы снова влез незваный гость. Увлекшись, я как-то не заметила, что последнее солнце почти село. В спальне разом стало сумрачно, и именно в этой атмосфере хоррора и надвигающегося ужаса в дверь коротко постучали.

Медленно переведя взгляд на злосчастную створку, я за-

таила дыхание. А что, если я попала во временную петлю и каждую ночь красавчик-муж Татьяны превращается в Чудовище из диснеевского мультика? Что, если я уже десятая, а то и сотая Татьяна на его веку?

Кровь стыла в жилах. Лишь бы с Машкой все было хорошо. Лишь бы она осталась дома в безопасности. Себя-то я отсюда уж как-нибудь вытяну.

Другой мир. Как поверить своим глазам и ощущениям? Сейчас я видела лишь один вариант – адаптироваться. Без информации и союзников мне путь домой точно не найти.

– Кто там? – не иначе как на нервах спросила я интонациями галчонка из старого мультфильма.

– Ваше Сиятельство, Его Сиятельство ждет вас в малой столовой на ужин, – сообщила Имка из-за двери.

Я с облегчением выдохнула. Есть хотелось уже не на шутку, так что приглашение обрадовало, но расставаться с дневником, на поиски которого было потрачено так много времени, не хотелось. А пришлось. Его настоящая хозяйка вряд ли носила его с собой везде и всюду. Мое поведение могло вызвать вопросы.

Вернув неподдающийся дневник все туда же – под подушку, я заторопилась на выход. Если меня сейчас вкусно покормят, а потом еще и трогать не будут, то тогда я, может быть, поверю, что это не ужастик. Если же нет…

Как постоять за себя, два старших брата-спортсмена научили меня еще в детстве.

Глава 3. Муж – штука вредная

Мой первый в жизни ужин в этом мире начался совсем не так, как я рассчитывала. Учитывая услышанное от служанки словосочетание «малая столовая», я представляла все иначе. Когда она меня сюда провожала, я еще успела поинтересоваться, подходящий ли у меня для ужина наряд, и меня заверили, что я выгляжу идеально.

Итак, идеально я не выглядела.

Идеально выглядели потолки. Выбеленные, украшенные росписью с ангелочками, огромной люстрой (без ламп, но с огоньками вроде верхушек от свечей) и белоснежной лепниной.

Идеально выглядели стены. Покрытые тканевыми обоями, они великолепно вмещали в себя как половинки декоративных колонн, так и самый настоящий каменный камин с широкой деревянной полкой.

И, конечно, идеально выглядел стол. За ним могло разместиться по меньшей мере человек десять, и еще бы свободное место осталось. Покрытый светлой скатертью, он являлся частью гарнитура, куда входили высокие резные стулья с мягкими, немного выпуклыми подушками не только для причинного места, но и для спины.

Впрочем, идеально выглядел и наш ужин. Я насчитала не менее восьми блюд, куда входили как горячее, так и гарни-

ры, и даже нечто, отдаленно напоминающее салаты. Крупная нарезка привлекала взгляд и заставляла желудок призывно урчать.

Мой взгляд с трудом, но все же переместился на Машкиного супруга. И вот зря я на него посмотрела. Сам мужчина сидел в расслабленной позе, но со всей серьезностью сосредоточиться на его лице никак не получалось. С момента моего попадания сюда мой разум работал как старый телефон на морозе – с задержками и без особой пользы, едва стоило этому типу объявиться рядом.

Обычно к противоположному полу, сколь бы привлекательными ни были его представители, я относилась более чем сдержанно, но этого товарища природа явно одарила сильнее остальных, потому что при взгляде на него мои мозги мгновенно превращались в кашу.

А это он был одет! В темно-синий, почти черный, камзол с серебряной вышивкой, в черную рубаху. Под стол я заглядывать не стала, но внутренний голос уверял: трусами там дело не ограничилось. А вот то, что он не встал при моем появлении, – это я очень даже запомнила.

Секунды на полторы. Далее моя память услужливо подбросила воспоминание о том, как этот представитель мужского рода сегодня упражнялся на мечах. Литые мышцы, капельки пота на коже – нет, с такого расстояния я их не видела, но представлялись они очень даже.

Интересно, откуда на его груди появились шрамы? Мо-

жет, в поход на дракона бегал?

И демонстрировал ему гладкую рельефную грудь.

Ошеломленная собственными мыслями, я на миг прикрыла веки, чтобы переждать дурацкое наваждение. Сейчас как еще сообразит, что у меня слюна до самого пола свисает, и все – пиши пропало!

Тетя Дина всегда говорила: мужик обыкновенный имеет тонкую душевную организацию. На него с наскока налетать нельзя. Если спугнула – все. Они же чуть что, так сразу в кусты, а там догонять устанешь.

Состряпав вид святой простоты, я молча села на ближайший свободный стул рядом с хозяином дома и скромно сложила лапки на колени. Будь моя воля, убежала бы на противоположный конец стола и еще бы стульями от него отгородилась. Но слуги накрыли для меня именно здесь, а переставлять такую гору тарелок и приборов мне было лениво.

Я же себя знала. Одной разбитой тарелкой моя природная рукопопость точно не обойдется. Когда остальным девочкам выдавали обаяние, грациозность и изящество, мне вручили что осталось.

Дважды осмотрев пустые тарелки перед собой, я вдруг подумала, что сама села, наверное, все же зря. Судя по наряду Машкиного мужа, этикет в этом месте чтили и учили. Но только мне помогать элегантно присесть никто не ринулся. В столовой даже слуги не присутствовали.

Остро ощутив на себе сверлящий взгляд фехтовальщика,

я продолжала осматриваться по сторонам, но на самом деле пыталась справиться с накатывающим чувством тревоги. Почему он молчит? Что он обо мне думает? Почему я вообще здесь?

От этих мыслей становилось только хуже. Сердце стучало, ладони чуть вспотели, но я старалась сохранять внешнюю невозмутимость. Сама с ним заговаривать и не думала. Ждала нападения и бдела, потому как отчетливо чувствовала себя на вражеской территории.

Такие эманации злости игнорировать получалось с трудом.

– Я пригласил тебя на ужин, чтобы примириться, – все же заговорил мой визави первым.

Его голос был мягким, обволакивающим, низким. Я даже расслышала в нем хрипотцу, будто специально выверенную в граммах.

По спине промчался табун лошадей. Я все еще ждала выстрела в упор. И он случился. Даже раньше, чем я успела дотянуться до блюда с запеченными кусками странной фиолетовой рыбы.

О том, что это все же была именно рыба, говорили хвост и плавники. И да, я дико хотела есть. А когда я хочу есть, даже самые красивые мужики могут идти в баню.

– Татия, скажи мне честно, что ты делала сегодня в подвале? Зачем нужна была пентаграмма? Ты пыталась призвать в наш мир демона?

Нет, ну если с этой стороны взглянуть на мое появление в его жизни…

А впрочем, на демона я пока все же не тянула. Кого бы его жена ни пыталась притащить сюда, у нее это то ли не получилось, то ли получилось, но я пока не понимала, что именно.

Ну не телами же она с Машкой хотела поменяться? Если дело обстояло именно так, то мозги у боярыни и правда отсутствовали. Потому что это мне было сложно здесь приспособиться, а ей в нашем мире наверняка почти невозможно.

Да Машка меня однозначно в больницу сдаст, как только я начну пугаться электричества и машин. А уж если разучусь пользоваться мобильником…

В общем, жену этого индивида я искренне жалела уже сейчас. Правда, не от всей души, потому что очень уж мне не хотелось, чтобы мое тельце попортили. Пусть у меня имелся небольшой животик, а грудь не претендовала на Мисс Мира, это все же были мои личные сантиметры и честно заработанные жировые отложения.

– Молчишь? – зло усмехнулся супруг. – Неужели так трудно сказать? Я же все равно узнаю.

И мне обязательно расскажи, когда узнаешь!

Озвучить эту фразу вслух хотелось просто невероятно, но я в который раз удержала себя от необдуманного поступка. Я ведь и правда не знала, что именно в подвале делала его жена, а потому и ответить могла лишь за то, что видела сво-

ими глазами.

– Я лежала, – произнесла я максимально честно.

Но явно не то, что от меня хотели услышать. Его красивое лицо заметно исказилось. Притягательные губы превратились в тонкую упрямую линию, а скулы заострились. О том, что брюнет взбешен и еле сдерживает себя, я узнала совсем не от него.

О не-е-ет. Мужчина молчал, как партизан в стане врага. Только пальцы на вилке побелели и прибор медленно согнулся пополам.

Впечатлившись на всю оставшуюся жизнь, я решила придерживаться прежнего курса. Косить под потерявшую память, как в каком-нибудь романтическом фэнтези.

Что примечательно, сама я любовные романы не читала. Между работой в зоомагазине, педагогическим институтом и попытками не заснуть на третьей паре некогда было вздыхать над страстными взглядами графинь и герцогов. Моей задачей было не вылететь с последнего курса.

А вот Машка – другое дело. Имея повышенную стипендию, она шла на красный диплом и не просто много читала – она этим жила, особо уважая любовное фэнтези.

Иногда даже вслух зачитывала что-нибудь невероятно пикантное. Ее слова теперь всплывали в памяти с обескураживающей точностью. Особенно те, где героиня ножкой оп, а он ее раз на плечо и в пещеру! Ну это если дракон. Или она вся такая вредная и внезапная, а он ее в портал и под землю

ночь страсти устраивать – это если демон.

Попаданки, – слово-то какое неэстетичное, но в полной мере происходящее передающее! – всегда действовали по двум схемам. Либо честно признавались, что они из другого мира, после чего герой им верил или не верил. Либо косили под утративших память, попутно разбираясь с собственной безопасностью, потому что довериться хоть кому-то не получалось.

И вот второй вариант мне как раз подходил куда больше, потому что красавец-муж явно переел груш, яблок и прочих оленьих фруктов и был готов порвать меня – в теле своей законной жены – на мелкие, но очень неаппетитные кусочки. Было видно, что она его допекла. Да он от любого моего слова был готов взорваться просто потому, что я его произнесла.

А еще он смотрел. Так, будто уже мысленно прикидывал, в какой именно угол подвала меня лучше засунуть, чтобы не мешалась до самого развода и не вытворяла того, от чего может дергаться глаз.

Молчание за столом длилось ровно столько, сколько нужно было, чтобы я успела мысленно перебрать все возможные варианты побега, включая драматический прыжок в окно с криком: «Свободу попугаям!».

А вилка тем временем окончательно сдалась под натиском пальцев моего так называемого супруга. Издав жалобный звон, прибор треснул надвое.

Я невольно поежилась. Если он так легко справлялся с металлом, то что станет с моей хрупкой шеей, едва вскроется, что его супружницы в этом теле нет? Отчего-то ответ на этот вопрос мне знать не хотелось.

– Ле-жа-ла, – повторил он медленно, растягивая слово, будто пробуя его на вкус. – В подвале. В пентаграмме.

Я осторожно кивнула, стараясь изобразить на лице невинность ягненка, который совершенно случайно забрел в мясную лавку.

– Ну… да. Лежала.

– И ничего больше?

– Ну… – Я прикусила губу. – Может, немного посидела?

Проведя ладонью по лицу, собеседник словно попытался стереть с него остатки терпения.

– Посидела? – его голос по-прежнему звучал мягко, но теперь в нем явственно проскальзывали стальные нотки. – Может, ты там еще и задремала?

– Можно и так сказать, – робко согласилась я, уставившись в пустую тарелку.

С тех пор как я появилась в столовой, полнее она не стала. Но о еде снова пришлось забыть, едва брюнет резко поднялся на ноги.

Ужас изморозью заскользил по позвоночнику. Я уже успела мысленно представить, как он набрасывается на меня со словами: «Молилась ли ты на ночь, Марианна?» – но вместо этого мужчина лишь прошелся вдоль стола, чтобы оста-

новиться у камина.

Огонь играл на его лице, подчеркивая резкую линию подбородка и высокие скулы. Боже, да он даже злым выглядел чертовски привлекательно!

– Знаешь, о чем я думаю? – на меня даже не смотрели, наблюдая за пламенем в камине. – Ты либо врешь, либо…

– Либо? – не удержалась я.

Сердце стучало так громко, что, казалось, его было слышно даже на расстоянии.

А ведь тетя Дина всегда нам с Машкой говорила: «Рядом с мужиком лучше молчать! Особенно если он получил зарплату!»

– Либо продолжаешь издеваться надо мной, – холодно выплюнул брюнет, внезапно обернувшись, чтобы прожечь меня своим взглядом.

И вот я прямо почувствовала, как пришло мое время. Драматичнее момента было не придумать.

Тяжко вздохнув всей собой, я опустила глазоньки долу, поправила скромное серое платьице, облизнулась на недосягаемую рыбку и…

– А может, я просто ударилась головой? И потеряла память? – предложила я жалобным голоском, но с большим таким укором во взгляде. – У меня сегодня так голова болела после того, как вы меня до спальни несли.

Он рассмеялся. Сухо, без тени веселья.

– Ударилась. Потеряла память. – Его пальцы сжались в

кулаки. – Очень убедительно, Татия. Я тебе почти поверил.

Я тяжко вздохнула. План «наивная дурочка» провалился, даже не успев укорениться. Оставалось перейти к запасному варианту.

– А вы точно мой муж? – внезапно спросила я и пытливо прищурилась.

Брюнет обескураженно замер. На его лице промелькнуло недоумение.

– А кем я еще могу быть?

– Ну как же! – с готовностью воскликнула я. – Бандитом. Моим похитителем. А вдруг это не вы, а кто-то, кто принял ваш облик?

Возникла выразительная пауза.

– Татия, ты серьезно? – поинтересовался мужчина устало.

– Абсолютно! – убежденно кивнула я. – Я же говорю: потеряла память. Если хотите, можете проверить.

– Проверить? – Он склонил голову набок.

Ему словно было интересно, как далеко я готова зайти в этой игре.

– Да! Например… – Соображать приходилось быстро. – Задайте мне вопрос, ответ на который я должна знать.

И вот зря я так сказала. Хозяин дома неторопливо приблизился ко мне.

Ощутив его рядом, я отчетливо почувствовала, как по спине слоновьими табунами побежали мурашки.

– Хорошо, – прошептал он, наклонившись так близко, что

я ощутила его дыхание на своей коже. – Как мое имя?

Я замерла, словно суслик перед хищником. Если бы знала ответ на этот вопрос, под таким взглядом точно сказала бы правду без всяких детекторов лжи.

– Э… – Я демонстративно закатила глаза к потолку, будто вспоминала.

Тишина стояла такая, словно мертвые с косами уже присутствовали здесь и только и ждали, когда примут меня в свои тепленькие объятия.

Брюнет резко выпрямился. В темных глазах вспыхнуло что-то опасное.

– Арсарван, – его голос прозвучал слишком мягко.

В следующий момент меня схватили за запястье. Я инстинктивно дернулась, но хватка была железной. Кажется, он не поверил в мою потерю памяти, но хуже было другое: он не собирался меня отпускать.

А значит, из этого дома мне все-таки придется бежать. Исключительно собственного спасения ради.

Но сначала следовало хоть что-нибудь съесть, потому что убегать на голодный желудок – последнее дело. Мало ли когда еще поужинать придется!

Все намеки на страх мною были задушены.

– Слушайте, а чего вы на меня кричите? – спросила я вполне миролюбиво. – Я вас вообще второй раз в жизни вижу. Хотя нет, в третий. Вы же еще столб под моим балконом кромсали.

У Машкиного мужа медленно выгнулась правая бровь.

– Хватит, – приказал он глухо.

Всего одно слово, но пробрало меня по самое не могу. Однако я продолжала придерживаться все той же стратегии. Ничего не помню! Эту фразу я собиралась сделать своим девизом, а пока мирно сложила свободную руку на колено и изобразила из себя послушную, хорошую, скромную, добрую…

– Что бы ты ни задумала, учти: мы все равно разведемся. Каждый пойдет своей дорогой.

– Да ради бога, кто же спорит, – опасливо пожала я плечами. – Идите, куда вам надо. Только объясните для начала, где мы вообще. И, кстати, мне после развода что-нибудь достанется? Нам бы обговорить все, так сказать, у дороги.

О том, что терпение брюнета окончательно подошло к концу, я узнала самым простым и впечатляющим способом. Схватив за плечи, он вынудил меня приподняться над стулом. Точнее, это он приподнял меня над стулом, словно я и не весила ничего.

Близость его лица окончательно заставила меня забыть обо всем. Я пыталась смотреть ему в глаза, в потемневшие от ярости бездонные очи, но взгляд сам собой скатывался на его губы.

Что он говорил? Что с ним не пройдут эти шутки? Что он не знает, что я задумала, но мне лучше передумать? Что он устал от моего коварства, от моих слежек, беспочвенных

обвинений и выдумок? И что-то еще, чего я совсем не расслышала, полностью сосредоточившись на его губах.

– Ты поняла? – спросил он грубо.

Я ничегошеньки совсем не поняла, но при этом уверенно кивнула. Мурашки уже не слонами – динозаврами бежали по всему моему телу.

– Иди к себе. Сегодня останешься без ужина, – добавил брюнет холодно и все же отпустил меня. – Может, голодовка вернет тебе память.

Рухнув на стул, я не отводила от его лица прямого укоризненного взгляда. На его слова мне было что сказать, но пока права голоса мне не давали. Как и права на ошибку.

А мужика, конечно, довели. Но мы и не таких на место ставили. Правда, сейчас нарываться однозначно не стоило.

Поднявшись из-за стола, я молча покинула столовую.

Чтобы отправиться на поиски кухни.

Глава 4. Продуктовый рай

Кто бы что мне ни говорил, а голодать я точно не собиралась. Тем более по приказу чужого мужа! Да нас даже тетя Дина за наши проступки никогда не наказывала голодовкой. Вот в угол поставить – это да. Генеральную уборку провести по всей квартире – худшее наказание на свете, или вот неделя без интернета.

В последнем случае мы начинали выть уже на следующий день, а в квартире волшебным образом появлялись две многоножки-многоручки: Уборка Готовкина и Посуда Постирочкина.

Есть хотелось просто нестерпимо. В моих мыслях фиолетовая рыба появлялась чаще, чем злые карие глаза брюнета. Что удивительно, сейчас, когда его не было рядом со мной, я относилась к нему соответственно ситуации. В том смысле, что не млела по нему, а в спину не втыкались иголочки мурашек.

Да я даже мыслила четче! И никак не могла понять, почему просто не ушла, когда стало понятно, что меня и прибить ненароком могут. Страх запоздало вонзился в сердце. Меня будто магнитом к нему тянуло. Причем чем ближе он находился, тем сильнее ощущалась эта тяга.

Артефакт? Заклинание? Я уже не могла отрицать и эти варианты, хотя еще вчера рассмеялась бы, скажи мне Маш-

ка, что магия существует на самом деле.

Пересекая необъятных размеров холл, я на мгновение замерла у больших окон. Часть виноградника, расположенная по левую сторону, была видна и отсюда, а остальное место занимала подъездная дорожка. Она обрамляла высокий фонтан на три чаши, который работал даже в этот поздний час.

Но без высоких уличных фонарей я бы все это ни за что не рассмотрела. В их стеклянных сердцевинах словно билось настоящее пламя. Неужели электричества здесь просто нет?

Втянув аромат свежеиспеченного хлеба полной грудью, я потянулась за ним и быстро отыскала на первом этаже кухню. Она располагалась в противоположном от столовой крыле.

Запах вывел меня к тяжелой двери, из-за которой доносилось ненавязчивое шуршание. Осторожно толкнув створку, я оказалась в уютной кухне.

Бегло осмотрев просторное помещение с массивным деревянным столом, огромным очагом и полками, уставленными банками с заготовками, я жадно втянула новые ароматы. Пахло прогретой корицей, теплым хлебом, морской солью и чем-то уютно домашним.

В дальней части помещения стояла темнота. Зато здесь – на уютном квадратном клочке – и на печи что-то бурлило и кипело, и даже ножи лежали не по ящичкам, а поверх разделочной доски. Кто-то буквально только что нарезал лук. Половинка головки так и осталась нетронутой, а вторая уже

превратилась в квадратики.

– Ух, Древние Боги! Ваше Сиятельство, вы чего здесь?! – возмущенно воскликнула кухарка, облаченная в некогда белый передник.

Сейчас на нем были посажены свежие пятна то ли от мяса, то ли от свеклы. При тусклом освещении единственного фонаря, подвешенного к потолку, было не разглядеть.

Возникла неловкая пауза. Женщина явно осознала, что сболтнула лишнего, и теперь смотрела на меня огромными испуганными глазами, но человека не раскаявшегося, совсем нет. Хозяйку тут, судя по всему, не любили повсеместно.

– Здравствуйте, – тихо промямлила я и пустила одинокую слезу. – Мне бы поесть чего-нибудь. Так кушать хочется…

«…что аж спать негде», – мысленно добавила я и едва не усмехнулась.

Кухарка не двигалась с места.

– Понимаете, я сегодня головой сильно ударилась. Муж мне не верит, но я ничего не помню, – не спрашивая разрешения, присела я за обеденный стол для слуг. – Вообще ничего. Я только от него свое имя узнала. И его имя. Знаете, мне почему-то кажется, что я сирота. У меня есть кто-то, к кому я могу уйти? Хозяин этого дома явно хочет расторгнуть наш брак, и мне не хотелось бы его обременять.

– Вы… правда ничего не помните? – Изумление, настигнувшее кухарку, открыто читалось на ее одутловатом лице.

– Вообще ничего. Нет, что-то бытовое, конечно, помню. Как вилкой есть, как с платьем справляться, если шнуровка спереди. Думала, что в дневнике своем что-нибудь узнаю, а в итоге даже открыть его не смогла. Просто не помню, как это сделать.

Придвинув к себе ближайший стул, женщина грузно плюхнулась рядом. На меня она смотрела как на восьмое чудо света.

– Ну дела… – протянула она ошеломленно. – Выходит, услышали-то Древние наши мольбы.

– Древние? – переспросила я, подозревая, что речь идет о богах.

Блин, да я даже о религии этого мира не знала. Если она вообще одна. Может, у разных народов и вера разная.

Если и собиралась, ответить женщина не успела. В моем животе громко заурчало, что стало своеобразным сигналом для кухарки. Спохватившись, она обеспечила меня не только вкусным ужином, но и поистине прекрасным настроением.

Сытая я всегда становилась белой и пушистой. Из-за этой яркой особенности Машка называла меня Песцом. Как и он, я обычно тоже приходила внезапно.

Эх, Машка! Знала бы ты, как круто я попала. Если верно поняла, я просто украла мечту подруги.

А впрочем, не мечту. Переместившись в это странное место, я, кажется, украла ее судьбу.

Пока ела, искоса рассматривала хлопочущую повариху.

Причитая о том, какая я бедная, несчастная, головой ушибленная, она продолжала готовить. Судя по запаху, квасила капусту и нет-нет да и отвлекалась на печь, чтобы помешать деревянной лопаткой нечто мясное в котелке.

Агланья, а именно так звали женщину, мне понравилась. Внешне она выглядела лет на пятьдесят. Черные волосы, собранные в тугой пучок, тронула первая седина. Маленькая, приятная, уютная, как теплая булочка. Кухарка имела обаятельные округлости и натруженные руки.

А еще смотрела на меня с неожиданным умилением. Пока я в три морды поглощала жаркое, кажется даже не жуя, она то и дело подкладывала мне разные вкусняшки. То овощей свежих положит, то бочонок с какой-то картошкой маринованной подсунет.

Но больше всего меня покорила колбаса. Я магазинную сто лет уже не ела, потому что только нюхнешь, а уже плюс килограмм на весах, а тут самая настоящая – без Е-шек, красителей, усилителей вкуса, ГМО и прочей чешуи. В этом-то мире их точно еще не придумали!

Да еще и тело как бы не мое, и есть я уже на ночь глядя начала…

В общем, все совпало как нельзя лучше. Не дожидаясь, пока кухарка порежет для меня упругое мясное кольцо, я вгрызлась в батон зубами, прожевала и застонала в голос. Мне даже стыдно не было. Что бы эта великолепная женщина ни всунула в оболочку, это оказалось божественно. Да еще

и со свежим хлебом, который отличался от нашего как небо и земля.

Но наслаждение внезапно прервалось. На кухне появилась Имка. Забежав внутрь, она увидела меня, словно споткнулась на ровном месте и застопорилась. Лицо ее стало белее скатерти в малой столовой. Еще через миг девушки след простыл.

– Чего это она? – удивилась я, но жевать продолжила.

Чем больше ела, тем теплее становилось в желудке и тем ленивее я сама. Мысль о том, что в ночи мне придется бежать, чтобы спасти свои нервные клетки и Машкино тело, становилась зыбкой и недосягаемой.

Ну вот куда я побегу, а? Допустим, деньги и украшения у меня есть. Но что я с ними буду делать, если не знаю законов, не имею нужных знакомых и не понимаю, где вообще нахожусь? То-то и оно! Этот дом без соответствующей подготовки мне покидать было бессмысленно.

– Так это же Имка, служанка ваша, – ответила Агланья и тут же встрепенулась, будто что-то вспомнив. – Ваше Сиятельство, а вы точно ничего не помните?

– Если бы было на чем поклясться, я бы поклялась, – слукавила я, потому что между «не помню» и «не знаю» существовала огромная пропасть. – Так что еще важного я должна помнить? Вы не стесняйтесь, рассказывайте. От мужа-то я правды, кажется, не добьюсь.

И вот что совсем неудивительно, все оказалось еще хуже,

чем я предполагала. Но начала Агланья издалека.

Итак, постоянная служанка в этом доме имелась всего одна и прислуживала именно мне. Дом в чистоте поддерживался заряженными магическими артефактами, которые раз в месяц за деньги приходил обновлять чаровник.

Однако этот аспект меня точно не интересовал. Мне больше было любопытно узнать, чем именно провинилась Имка или я перед ней, но все оказалось до банального просто. Татия ревновала мужа к служанке как к единственной молодой девушке в доме. А еще частенько срывала на ней свою злость. Даже хозяину вмешаться пришлось. Что, естественно, только усугубило ситуацию, потому что дальше Ее Сиятельство действовала исподтишка.

Теперь реакция служанки на меня уже не казалась странной.

Помимо кухарки и служанки в штате слуг также числились садовник, кучер и конюх. По необходимости из города на время нанимали еще слуг, если в поместье закатывали званые вечера или балы.

Большее количество людей постоянно держать смысла не было. Здесь жили только Татия с мужем, которого звали Арсарван – мне его проще было называть Арсением, – да и то граф старался дома без особой нужды не появляться. Только если…

– Только если что? Продолжайте, прошу вас. Я совсем ничего не помню, – попыталась я разжалобить женщину.

Но сделать такой трюк с набитым ртом не получилось. Что, впрочем, не помешало Агланье возобновить свой рассказ. Оказалось, что последний месяц хозяйка делала все, чтобы ее муж был вынужден возвращаться в особняк как можно чаще.

И руки на себя пыталась наложить не взаправду. И его опаивала зельем дурмана. И вред себе причиняла умышленно. И даже темного мага вызывала, чтобы тот приворот сделал.

– А он, случайно, на нее… то есть на меня приворот этот не наложил? – поинтересовалась я опасливо, вспомнив свою странную реакцию на чужого мужика.

Ну что я, в самом деле, мужчин в своей жизни не видела? Реакция чужого тела, прямо скажем, настораживала и пугала. Это ведь оно, тело, предавало, напрочь отключая разум.

А если я в следующий раз так отключусь, что в чужой койке окажусь? Нет, я наверняка это переживу, но ведь это ужасно. Так моргнешь, а ты уже беременна. Еще моргнешь – и жизнь прошла.

Нет, нет, нет. С этим разжижением мозгов срочно требовалось что-то делать. Да хотя бы от супружника пока держаться как можно дальше! До выяснения причин!

– На вас? – Нахмурившись, Агланья серьезно задумалась. – Так а кто ж его знает? Если думаете, что это маг с вашей памятью пошаманил, то вряд ли, госпожа. Он-то, почитай, уже с неделю назад приходил, а вы головой-то сегодня

заболели.

– И то правда, – неуверенно промямлила я. – Так и дальше что? Про Арсения.

– Арсарвана, – исправила она меня, на миг оторвавшись от бочки, куда последним слоем засыпала лук. – Да вроде и все уже сказала. Ревностью вы его извели. Прохода не давали. Вот он и взвыл, лютой ненавистью к вам воспылал. Уж что там и как мне неизвестно, мы люди маленькие, но раз слышала, как вы ему за его любовь к другой выговаривали, ставили в укор и требовали, чтобы забыл. Но разве же можно сердцу взять и приказать, чтобы не любило оно больше?

– Но это была не Имка? – на всякий случай уточнила я.

– Да какая ж Имка, не смешите Древних, Ваше Сиятельство. Я здесь у вас с первого дня, как приехали-то, так вот не было у господина никого. Он, может, и таится где на стороне, но графство-то у вас маленькое. Один город да три деревни. Все друг о друге все знают, не слепые чай. Нет у него никого, зазря напраслину наводили.

Я с осуждением покачала головой. А ведь моя Машка такой стервой никогда не была. Она полностью соответствовала облику божьего одуванчика. Однако, что примечательно, мне было интересно. Семейные отношения этой парочки развивались похлеще бразильских сериалов.

– А что за графство, Агланья? Как оно называется? – спросила я как бы между прочим, а сама на миг затаилась.

Даже жевать перестала, чтобы четко расслышать назва-

ние.

– А вы и этого не помните? – удивилась женщина, но ответа не ждала. – Графство Кертилтай. Но вам всегда нравилось его другое название – графство «Алой розы». Его вам преподнесли в качестве свадебного подарка. Ваш брат, герцог ар Ригграф. Его вы помните?

Я замотала головой. Колбаса в меня уже не лезла, а потому я медленно пила травяной чай. Агланья называла его отваром и щедро подливала мне, поясняя, что от него я буду спать как младенец. Из всего многообразия оттенков язык улавливал только мяту и лимон.

Заметив, что женщина собирается что-то сказать, я ее опередила:

– Вот что, Агланья. Передайте, пожалуйста, Имке, чтобы она разбудила меня утром пораньше. У нас же есть что-то вроде библиотеки?

– Так библиотека и есть, – охотно подсказала кухарка. – А вы, Ваше Сиятельство, читать-то как помните?

Я задумалась. О том, что я без проблем разговариваю в чужом мире на, вероятно, чужом языке, я до этой минуты даже не задумывалась. Допустим, при подмене душ сработала какая-то магическая защита и знание языка осталось вместе с телом. Но что насчет навыков чтения?

– А у вас есть что-нибудь, что я могла бы прочесть? Может, сразу и проверим? – мягко попросила я.

И уже через минуту получила в руки толстенный сбор-

ник рецептов, заполненный вручную. Заметки к кулинарным изыскам имелись и на полях, а кое-что было зачеркнуто-перечеркнуто, словно в процессе готовки рецепты менялись или совершенствовались.

– Вы готовите рагу из крольчатины? – спросила я с невероятным облегчением, осознав, что читаю без труда.

– Уже приготовила, госпожа. Вы его ели, – улыбнулась мне женщина и поставила передо мной тарелку с куском пирога.

Я смотрела на пирог. Пирог на меня не смотрел, потому что глаз не имел.

– А вы можете мне его с собой завернуть? – предложила я с надеждой. – И еще что-нибудь. Побольше. Может, колбасы, сыра и хлеба?

– Так я же кухню не запираю-то. Если проголодаетесь, спуститесь или Имку пошлете, она вам что угодно принесет, – удивилась повариха.

– Так в том-то и дело, что не спущусь. Да и Имку подставлять нет желания, – тщательно подбирала я слова для признания. – Арсений мне когда не поверил, что я ничего не помню, сказал в покоях без еды сидеть, чтобы память ко мне вернулась. А она не возвращается, понимаете?

– Ох-ох-ох! – запричитала кухарка, обмахиваясь кухонным полотенцем. – Да не со зла же он, госпожа. Вы не думайте! Он не деспот и не самодур. Он же у вас простой – проще некуда. И работает много, и каждого подданного в графстве лично знает, и детскому приюту помогает.

«И вообще святой, каких поискать!» – мысленно усмехнулась я. Было видно, что хозяину Агланья по-настоящему благоволит. Она о нем с теплой улыбкой рассказывала, сложив руки меж ключиц в просящем жесте.

– Вы знаете, Ваше Сиятельство, а вы зайдите с другой стороны, – вдруг посоветовала она, а ее голос опустился до шепота. – Вы ему завтрак утречком украсьте, как вы это, леди, умеете. Стол красиво сервируйте. И вот когда он сытым уже будет, настроение благодушное у него станет, вы тогда ему еще раз на беспамятство и намекните. Попросите целителя вызвать или брата вашего.

– Нет, брата точно не надо, – открестилась я резче, чем следовало, и тут же попыталась исправиться: – Я сначала сама попробую память себе вернуть. А вот про благодушное настроение – это идея. Я ему такой завтрак утром приготовлю…

Возникло странное молчание.

– Моя госпожа, у вас же ручки нежные, зачем их марать? Уж с завтраком-то я сама разберусь. В лучшем виде сделаю! – старательно заверила меня повариха.

Но промелькнувшее на ее лице недоумение я заметить успела. Собственно, да, я прокололась на мелочи. Какая из графини кухарка? Да она, может, и два яйца сварить не умела.

– Хорошо. Но колбаску и пирог вы мне с собой все-таки заверните, – хлопнула я в ладоши и решительно поднялась

из-за стола.

Искомое получила в течение минуты. В небольшом узелке, завернутые в отдельные, пропитанные чем-то бумажки, лежали сыр, хлеб, колбаса, пирог, что-то из овощей, зелени, фруктов и целая бутылка из темного стекла. Бутылка выглядела подозрительнее всех, но я не стала от нее отказываться.

А вдруг горе придется заливать, а я неподготовленная?!

Собственно, с узелком в руках появившийся в кухне Арсений меня и застал.

– Не отдам! – сразу расставила я все точки над ё, прижав узелок к груди.

И для верности откусила от колбасы, чей бок призывно торчал не только из узелка, но и из промасленной бумаги.

Глаза брюнета расширились, брови удивленно поползли вверх. При этом остальная часть лица нисколько не изменилась. Упрямые губы по-прежнему были сжаты в тонкую линию.

В стороне от меня Агланья сложилась в поклоне. Ее обоснованное опасение остаться крайней я ощущала на расстоянии.

– Я сказал тебе идти к себе. И чтобы спальню без моего разрешения не покидала, – припечатал граф холодно.

Я не двинулась с места. Потому что точно не заслуживала тот тон, с которым он ко мне обратился.

Однако промедление лишь ухудшило ситуацию.

– Мне лично проводить тебя до спальни? – спросил он,

едва сдерживаясь, чтобы не повысить голос.

Но это тихое шипение сквозь зубы как ни странно сработало лучше крика. Испугавшись, что останусь с ним наедине, из-под его цепкого взгляда я сбежала быстрее ветра.

Глава 5. Хвостатый подарочек

Вернувшись в Машкины «покои», я уложила увесистый кулек с провизией на стул и старательно заперла за собой дверь спальни. Но этого мне показалось мало. Глянув на комод, что стоял у стены слева, я по-хозяйски обошла его, собралась с силами и через доброе русское матерное передвинула узкий шкафик с места, поначалу толкая руками, а затем уже и плечом.

Дерево скрипело, будто возмущаясь моим самоуправством, но я не обращала внимания на его протесты. Главное – результат. А результатом стала надежная баррикада, преграждающая путь любому незваному гостю.

– Теперь точно не пролезет, – пробормотала я, вытирая пот со лба.

Запиралась от греха подальше, чтобы муж совершенно точно не смог попасть в святая святых и предъявить мне за неисполнение супружеского долга. И пусть он от меня шарахался как от чумы, должной я быть не любила, а потому действовать следовало на опережение.

Оглядев дело рук своих, я осталась довольна. В полумраке комнаты устроенный мною бардак едва ли просматривался, так что пожинать плоды своих дизайнерских решений я собиралась только утром.

Попытки открыть найденный мною дневник боярыни то-

же отодвигались на завтра. Я элементарно не знала, как включить здесь свет, а у Агланьи спросить не догадалась. Как любила говорить тетя Дина: «Хорошая мысля приходит опосля».

Перетащив узелок с провизией на прикроватную тумбу, я от всей души плюхнулась на постель. Прошедший день казался бесконечным несмотря на то, что в этом мире я провела только его малую часть. Но мне и этих впечатлений хватило с головой. Чего только стоили упоминание Арсением демона и слова кухарки о магах и артефактах.

Кажется, я и правда неосознанно отобрала у Машки ее мечту. Если бы она только узнала, что я попала в мир магии и волшебства, ее счастливый визг был бы слышан во всех ближайших городах. Она бы первая упаковала наши вещи и побежала в обнимку с попугаем.

И да, ей бы здесь, наверное, понравилось. Интересно, выдержал бы муженек ее напор? Иногда этого электровеника даже я опасалась.

– Вот бы уснуть и проснуться на съемной квартире, – прошептала я в потолок, распластавшись в позе дохлой морской звезды.

Как ни странно, но потолок мне не ответил. А жаль. Я бы, может, тогда в сдвиг по фазе поверила или в какой-нибудь Меркурий в единороге.

Но пока приходилось верить только в луну, которая всей своей серебристой дорожкой освещала спальню через окно

и гостиную через балконные двери. Ни тебе штор блэкаут, ни маски для сна с охлаждающим гелевым вкладышем, ни уж тем более пижамы.

Нет, последняя, может, и имелась в наличии, но в кромешной темноте искать ее по многочисленным ящикам в гардеробной я не видела смысла.

– Ладно, – вздохнула я, – хоть постель мягкая.

Вот как встану завтра прямо с рассветом, как наворочу дел! И пусть в моем плане пока имелось только два пункта: дневник и библиотека, – с чего-то же следовало начинать. Слухи от кухарки – это, конечно, хорошо, но хотелось бы обзавестись конкретной информацией.

На что имею право или чего никак нельзя делать. Как тут разводятся и чем занимаются после развода. Как приумножить капиталы и вернуться обратно в свой мир. В общем, я собиралась читать все подряд в надежде, что найду хоть что-то полезное.

До тех пор, пока я не смогу покинуть этот мир, мне предстояло научиться приспосабливаться к новым обстоятельствам.

Решив продолжить утомительные размышления уже утром – на сытый желудок и отдохнувшую голову, – я скинула мягкие туфли на пол, не с первой попытки стянула с себя платье и улеглась под одеяло в одном «срамном» белье.

Нежная кожа мгновенно отозвалась мурашками на холод постельных принадлежностей. От подушек пахло травами –

на этот раз лавандой, а не полынью, а с тумбочки вкусно тянуло колбасой. Помеченная в лучших традициях – следами от зубов, – она так и торчала призывно из кулька, намекая на то, что завтрак у меня утром будет королевским.

И мне для этого даже из спальни выходить не придется, чтобы не нервировать всяких с тонкой душевной организацией.

Подумав о Машкином муже, я мгновенно вспомнила о давней традиции и с предвкушением распахнула глаза. Губы против воли растянулись в улыбке.

– Сплю на новом месте – приснись жених невесте, – прошептала я в тишину комнаты и наконец смежила веки.

Либо я проснусь завтра дома, либо нам с Арсарваном придется очень непросто. Причем я искренне сочувствовала не себе. Мой тяжелый характер не каждый вытянуть мог. Потому что я знала себе цену и на скидку в пятьдесят процентов никогда не соглашалась.

От навалившейся усталости я отключилась почти мгновенно. Даже почувствовала, как уплыла в темноту. Видимо, организм решил использовать прощание с сознанием в качестве защитного механизма, но в небытии я провела не дольше нескольких минут.

Жалобное «Мяу» впилось в мой сон, как кувалда в картонную стену.

– Мя-я-яу-у-у, – попискивало где-то там, вне моего сна, самое страшное чудовище на свете.

Обычно оно имело четыре лапы, хвост, большие глаза, треугольные уши и усы. А еще любило устраивать ночные тыгыдыки, воровало колбасу и конфеты и, конечно, метило тапки! Но это в общем. Я же до сегодняшнего дня знала только одно чудовище, и оно метило исключительно мою обувь, а конфетам предпочитало помидоры.

– Мя-я-яу-у-у, – пропищали едва-едва, старательно, с хрипотцой.

Я открыла глаза. Игнорировать этот призыв о помощи не получалось, но я очень старалась. Даже голову подушкой накрыла.

– Мя-а-ау-у-у-у! Мя-а-ау-у-у-у! – заорали так, словно прямо сейчас изгоняли демона из одного конкретного блохастого.

От неожиданности с кровати я едва не свалилась. Оконная створка была распахнута, а потому слышимость поражала воображение. Этот мартовский котяра будто горланил у меня прямо под ухом, распрощавшись с совестью примерно при рождении.

С трудом выпутавшись из одеяла, я босыми ногами прошлепала к подоконнику. И никого снаружи не нашла. Тусклый свет уличных фонарей освещал парк там, где проходили дорожки. Под окном же расстилалась тягучая темнота.

Настойчивое мяуканье повторилось вновь. Безошибочно повернув голову в сторону звука, я отыскала взглядом свой ночной кошмар. Прямо под моим окном красовалась

круглая клумба с низкой металлической оградой, и именно на ней, вероятно застряв, повисла лохматая белая жопка с пушистым хвостом. Кончик хвоста, нервно подергивался в такт отчаянным попыткам выкарабкаться.

– Мя-я-яу-у-у! – жалобный вопль повторился, но на этот раз словно из последних сил.

Я обреченно прикрыла веки. Это Машка у нас была спасительницей живности. Я же эту живность просто терпела у нас в квартире и особой любви к пушистым хвостика не испытывала.

Глянув на дверь, которую самолично баррикадировала, я представила, как буду избавляться от комода. А учитывая, что покидать спальню мне запретили строго-настрого, делать это придется тихо.

– Но где я и где тихо? – пробормотала я и вновь посмотрела на свою мелкую проблему.

Жалобный мяв теперь различался едва-едва. Домочадцы на призыв о помощи не реагировали.

Еще раз оценив взглядом габариты комода, я поняла, что просто не смогу сдвинуть его обратно. Мой порыв забаррикадироваться был необдуманным, и теперь я расплачивалась за излишнюю эмоциональность.

Впрочем, волновало меня и еще кое-что. Я совершенно не ориентировалась в этом доме, не говоря уже о прилегающих к нему территориях. За окном стояла глухая ночь, а фонарика у меня не имелось, так что поиски пищащего комка могли

завершиться и поражением.

Придирчиво глянув на кровать, я по достоинству оценила ее массивные ножки. Мебель из ДСП была настолько же далека от нее, как и я от разумных поступков. Эту махину мы бы и с Машкой вдвоем с места не сдвинули, хотя опыт в перемещении мебели у нас уже имелся.

Тетя Дина регулярно обновляла ремонт, и мы всем большим семейством выступали в качестве неквалифицированной строительной бригады. Причем работали исключительно за еду – за домашние пельмешки.

– Блин… – произнесла я с чувством, оценив масштаб предстоящей спасательной операции.

Но деваться было некуда. Действовать следовало быстро, пока мне еще было кого спасать.

Стянув с кровати одеяло и покрывало, я соединила их в подобие веревки и накрепко привязала ее к ножке кровати. В качестве ночнушки выступала простыня, замотанная по принципу тоги, а в качестве подкупа блохастому – остатки колбасы.

Я не понаслышке знала, как коты умеют царапаться. Причем одинаково они царапались в любом возрасте.

Усевшись на подоконник, я перевернулась ногами наружу и высунулась в окно. Темнота встретила меня теплым ветерком и тишиной, изредка нарушаемой только тоненьким «мяу».

– Ладно, пушистый, держись! – прошептала я, перехвати-

ла одеяло покрепче и начала спускаться вниз прыжками, как альпинисты-оптимисты.

По крайней мере, в фильмах показывали именно так. И я очень надеялась, что их сценарий составляли исходя из реального опыта.

Сделав пробный прыжок, я едва богу душу не отдала. Мой план был прост: спуститься вниз, спасти котенка и так же тихо вернуться обратно.

Собственно, план был идиотским.

Во-первых, я переоценила прочность тканей. Во-вторых, я переоценила свои физические возможности. А в-третьих, кому-то точно следовало меньше есть. Мало того, что я бултыхалась вместе с тряпьем, как рыба в проруби, так на середине пути ткань зловеще хрустнула.

– О нет… – только и успела я прошептать.

Не выдержав накала страстей, одеяло скончалось в муках прямо в районе подоконника. Уже через миг с глухим «бух!» я молча приземлилась в остриженные кусты.

Лежала. Дышала. Смотрела на звездное небо. Обнимала покрывало и молилась, чтобы ничего не сломала. Тело отзывалось одной сплошной болью везде. Кажется, я растрясла мозги, потому что звезды на небе подозрительно двоились.

Лишь бы позвоночник оказался цел!

Вспомнив занятие по йоге, я осторожно пошевелила сначала пальцами ног, а затем и рук. По всему выходило, что от серьезных травм меня пронесло, но спине такой полет точно

не пришелся по вкусу. Тупая боль оцепила голову.

– Мяу? – раздалось совсем рядом словно с укором.

– Да иду я, иду… – застонала я, осторожно поднимаясь.

Но не успела повернуться на бок, как в окне напротив мелькнул тусклый свет. Я замерла и даже перестала дышать. Огонек двигался – кто-то явно ходил по комнате с лампой или свечой в руках.

Тихо выругавшись, я пулей поднялась и прижалась к стене, насовсем позабыв о возможных травмах. Картина Репина «Приплыли» была продемонстрирована мне во всей своей красе. Если меня сейчас здесь найдут, да в одной простыне на эротишное белье, да с куском одеяла, торчащим из окна…

Я сглотнула слюну, что стала вязкой. Сердце колотилось у самого горла. И ведь не поверит же муженек, что не собиралась сбегать! А это точно был граф. Свет задержался у окна, одна из створок приоткрылась, и я увидела Арсарвана.

Его белая рубашка была полностью расстегнута, а часть лица закрывали темные волосы, не убранные сейчас в хвост.

Словно почуяв меня, хозяин поместья выглянул наружу. Всего на миг, за который я поседела бы однозначно, если бы уже не имела такой цвет волос, а затем так же тихо удалился. От того, чтобы быть застигнутой, меня отделял всего один поворот его головы. И вот что странно: даже в такой момент во мне зашевелилось желание!

Однако необоснованный порыв быстро прошел.

Выдержав минуту иди две без движения, я наконец с об-

легчением выдохнула. Но от стены все равно отлипала с опаской. Лишь убедившись в том, что муженька нет в комнате, по расстановке мебели похожей на кабинет, я обратила свой взор на грустно повисшего блохастого.

Лапки уже не пытались выкарабкаться из западни.

– И чего ты ему ничего не промяукал, а? – поинтересовалась я у комочка, осторожно подцепив его за шкирку.

Такому произволу зеленоглазый котяра был не рад. Грязный, взъерошенный и явно не породистый. Он даже попытался цапнуть меня за палец, но, подняв с травы свое единственное оружие – недоеденную колбасу, – я вручила его точно в белые мохнатые лапки. Презент был оценен по достоинству. Мелкие зубки вцепились в копченый бок, и обо мне благополучно забыли.

– Ну ты и страшила, – констатировала я, оглядев пушистый комок со всех сторон.

Словно осознав, что именно я сказала, малыш тут же вцепился в меня и заурчал, как маленький трактор. Есть при этом не забывал. Мясной трофей исчезал в ускоренном темпе, пока большеглазый чавкал с видом бедолаги, которого не кормили как минимум неделю.

– Ладно, пошли наверх, – сжалившись, сказала я и огляделась по сторонам.

Оставлять мелкого кошака здесь все равно не видела смысла. Он был настолько маленьким, что я все сильнее погружалась в сомнения по поводу колбасы как источника пи-

щи. Как бы не скончался от гастрономического изыска этой же ночью. Несварение у животных – штука страшная.

– И откуда ты взялся на мою голову?! – ворчала я.

Подметив бултыхающийся в воздухе кусок одеяла, я забрала с травы главную улику собственного несостоявшегося побега, сверху на нее водрузила котейку и поставила эту конструкцию на подоконник. Подтянувшись на руках, пролезла прямиком в открытое окно, но едва не свалилась носом вниз, когда ноги запутались в импровизированном одеянии.

Такой великой жертвы я ради мужчины, а котик явно был мальчиком, еще не совершала.

Крепко встав на ноги, на всякий случай я разместила котейку под тогой. Наглый комок шерсти уже икал от переедания, уютно устроившись на моей груди, но оставлять колбасу в покое никак не желал. Он доедал ее, пока мы выбирались из темного кабинета в коридор, в котором также не имелось ни единого источника света.

– Ты только не вздумай на меня нагадить, – предупредила я котейку, передвигаясь практически на ощупь.

Вместо ответа меня ощутимо куснули за палец. Так я и поняла, что стратегический мясной запас подошел к концу. И хорошо, что не ойкнула от неожиданности. Выбравшись из коридора первого этажа в уже знакомый холл, я как раз в момент беспардонного кусания радостно мчалась к лестнице.

В левой части холла мелькнул огонек.

– Кто здесь? – раздался глухой голос графа.

Я замерла на одной из ступеней. В холле темнота уже не была кромешной. Из больших окон лился лунный свет, наверняка давая рассмотреть и меня, и мой эпический наряд во всей его красе.

– Это я, – бодро ответила я и крепче прижала кота, как ни в чем не бывало продолжив подъем.

– Татия? Что у тебя с одеждой? – догнал меня голос Арсарвана. – Это… простыня?

Я решительно промолчала. Ответ на этот вопрос обязательно породил бы кучу новых, а говорить с этим человеком на равных я пока была не готова – мешали ночь, эротишное белье, игриво выглядывающее из-под ткани, и пушистый котенок.

– Татия! – окликнули меня возмущенно.

– Поговорим об этом завтра за завтраком, мой дорогой супруг! Спокойной ночи! – выкрикнула я и все-таки скрылась раньше, чем меня догнали.

Однако его «Что у тебя там шевелится?» я еще успела расслышать.

В гостиную мы с котейкой влетели как в лучших боевиках. Я тяжело дышала, загнанная невидимой погоней, а он просто был брутальным и наглым, как и все главные герои, которым предстояло спасти мир.

Дверь захлопнулась у меня за спиной. Я прижалась к ней, вслушиваясь, не идет ли за мной Арсарван. Но шагов в ко-

ридоре слышно не было.

Зато хвостатый кошмарище закопошился, вынудив спустить его на пол. За тем, как он отряхивается, принюхивается и разгуливает в полумраке комнаты, я наблюдала с любопытством человека, который вспомнил о еще одной собственноручно устроенной проблеме.

А все дело было в том, что дверь в спальню кто-то предприимчивый запер. С другой стороны. Кто-то, кто крайне опасался ночевать в чужом мире, в чужом доме и даже в чужом теле, но ни за что в этом не признался бы.

Отыскав в гостиной диван, котейка не с первого раза на него запрыгнул. Зацепившись когтями, он упорно карабкался наверх, пока я, сжалившись, не поддала ему газу.

Он по-домашнему устроился на декоративной подушке, с наслаждением выпустив в нее когти. Я же устало плюхнулась рядом.

– Ну вот, докатилась, – поведала я ему в тишине, почесав за грязным ухом. – Однокурсники всегда говорили, что я закончу свою жизнь под вопли сорока кошек. Похоже, ты первый экземпляр в коллекции, блохастый.

Блохастый в ответ мурлыкнул и сонно смежил веки. Откинувшись на жесткую спинку дивана, я тоже закрыла глаза.

– А знаешь, приключения попаданок я себе представляла совсем иначе, – призналась я, не сдержав усмешки.

Но, блин блинский, за время самостоятельной жизни мне впервые было не скучно. Взрослая жизнь словно высасывала

из меня жизненные силы. По наказу тети Дины я как старшая всегда должна была присматривать за Машкой, быть серьезной, ответственной, вдумчивой – этот груз появился на моих плечах с самого детства.

А теперь этот камень пропал. Нет, переживания за Машку никуда не ушли, но пока мне следовало переживать исключительно за себя. Потому что это я притащила в чужой дом кота.

Но вот, что удивительно: думать исключительно о себе оказалось приятно.

Глава 6. А коты здесь с крыльями

Утро настигло меня в самый неподходящий момент. Оно всегда так приходило. Без предупреждения, без объявления войны врывалось противным будильником в мой прекрасный сон и заставляло срочно собираться на учебу или работу.

Причем завтракала я чаще всего уже в пути, потому что времени на все не хватало. Привычка откладывать сигнал на самый последний момент являлась дурной, но это было так приятно – доспать еще три минуты. Ничтожные три минуты, за которые я все равно не успевала выспаться, но как же они были желанны!

Впрочем, в этом мире будильники в тех формах, в каких их знала я, по всей видимости не существовали. Зато были другие. Вполне симпатичные, с ножками и отвратным характером. Чтобы разбудить меня с рассветом, Имка, вероятно, не спала всю ночь и теперь отыгрывалась на моих нервах, изо всех сил тарабаня в дверь спальни.

Правда, именно тарабанить, применяя, кажется, даже ноги, она стала в последние несколько минут. До этого момента она говорила очень даже тихо и вежливо, стучала тактично и мягко, но никакого ответа от меня не получала.

Потому что я положила подушку на голову и продолжила сладко спать.

Теперь же сладко спать не получалось. По мою душу будто явились коллекторы с четким намерением выбить если не долги, то дверь уж точно.

– Вставайте, Ваше Сиятельство! – голос Имки звучал так, словно в мой чай она уже накапала яду.

Исключительно с целью спасти от меня весь бренный мир.

Но я на откровенные провокации не поддавалась. Не потому, что не хотела. А потому, что не могла. Каждый миллиметр моего тела отзывался тянущей болью, словно вчера я лично разгрузила три вагона с кирпичами.

Попытка открыть глаза привела лишь к стону отчаяния. Веки слиплись, будто их склеили суперклеем.

– Если сейчас же не откроете, я Его Сиятельство позову! – прогремело за дверью с явной угрозой.

Впечатлившись перспективой встретиться с супругом раньше времени, я резко села на кровати и тут же об этом пожалела. Позвоночник прострелило до самого копчика, словно я не в двух метрах от земли сорвалась, а как минимум совершила прыжок с парашютом, после чего неудачно приземлилась на дорогу.

Глаза совсем не желали открываться, пока я медленно и осторожно передвигалась от кровати к узкому комоду. Обойдя его с другой стороны, собрала в себе все имеющиеся силы и даже немножко взяла взаймы. Одними руками эту махину точно было не сдвинуть, а потому я уперлась в него плечом, зарычала, как злой и опасный зверь, и как следует оттолкну-

лась ногами от стены.

Поставить на место, естественно, не получилось, но я смогла сдвинуть шкафчик так, что теперь дверь хотя бы открывалась. Ровно настолько, чтобы я могла пролезть через нее исключительно с помощью русского матерного и упрямства.

– Спасибо, я проснулась, свободна! – рявкнула я от души, дождалась, пока девушка сбежит и захлопнула створку.

Ноющее тело, прикрытое лишь простыней и не самым скромным бельишком, просило зарядки. Потянувшись к потолку всей собой, я застонала от восхитительного ощущения. У меня даже хрустнуло что-то, после чего дышать стало заметно легче. Вчерашний полет в кусты для одной супервумен совершенно точно не прошел даром. Кажется, я отбила себе все, что только могла, спасая одного мелкого и грязного блоха…

Пораженно замерев в процессе потягушек, я только сейчас поняла, что меня удивило. Крохотная мысль все это время сидела на подкорке и тоненько жужжала о несоответствии. И нет, с тем, что я крупно попала черт знает куда, я даже немного смирилась. А вот с тем, что проснулась в спальне, а не в гостиной, – не очень.

Я совершенно точно уснула вместе с котом на диване. Но даже если я вдруг снова начала лунатить, как в детстве, снаружи открыть дверь было просто невозможно. Ее же до этого самого момента комод подпирал!

– Хозяу-у-уйка… – вдруг раздался в комнате низкий хрипловатый бас.

Я так и замерла у комода. Разумом абсолютно точно понимала, что в спальне сейчас находилась не одна, но надежда на светлое будущее, вера в хороших людей и любовь к ближнему соглашаться с таким раскладом не хотели.

Они хотели выйти за дверь. Срочно. И запрыгнуть на руки служанке с целью спасения от неведомого чудовища.

Потому что голос не принадлежал Арсарвану. Вот вообще.

За один-единственный миг я вспомнила все просмотренные мною ужастики. Как же тупо умирали в них герои! Обычно они просто шли посмотреть, что же там такое.

Помянув всех героев хорроров недобрым словом, я медленно повернула голову на звук и увидела кота. Развалившись, как барин на санях, он лежал на кровати всей своей зеленоглазой тушкой и лишь отдаленно напоминал вчерашний маленький блохастый комочек, который я по дурости поперлась спасать.

О нет, судя по его габаритам длиной в три Мурзика, спасать следовало именно меня.

Четвертинка льва – именно так я окрестила белоснежного ленивца весом килограмм в пятьдесят, учитывая его толстое пузо. Верхние клыки выступали из пасти так, что их было видно невооруженным глазом. Пушистые усы, наверное, можно было использовать как струны для гитары, но смуща-

ло меня не все перечисленное.

Меня искренне пугали два огромных крыла, что сейчас были аккуратно сложены у кота на спине. От вчерашнего котенка остался только цвет шерсти – белый, с серыми пятнами от присохшей грязи.

Как стояла, я так же молча села на пол. Крылатый разговаривающий кот необъятных размеров. Ну правда что, мне же именно его в мою копилку проблем не хватало.

– О да-у! – игнорируя мое ошеломление, кот довольно заурчал, и этот звук неожиданно напомнил мне работу бензопилы. – Корми-у меня! Еще страдау-ний!

– Чудо-юдо-рыба-кит, ты кто? – просипела я в ужасе.

Кот фыркнул, будто своим незнанием я его оскорбила, а из его ноздрей вырвались два мелких облачка серого дыма.

– Вот обзываться, хозяу-йка, точно не надо, – умилительно продемонстрировали мне острые зубы, зевая во всю глотку. – Я же теперь твоя-у любимая колбаска.

– …Что?

Диалог глухого и немого продолжался, а мне, видимо, все же требовались санитары.

– Та самая, которой ты меня-у вчера кормила-у, – объяснили мне, демонстративно закатив глазищи.

– То есть ты из-за колбасы вырос? И заговорил? – опешила я.

А ведь о магической составляющей продуктов питания я не подумала. Обрадовалась, что тут еще отраву всякую

не придумали, чтобы производство удешевить, но мир-то и правда другой!

Боже, я сломала чужого кота.

Котейка самодовольно выгнул спину и, словно потягиваясь, расправил крылья.

– Говориу-ть я еще до встречи с тобой научился. А расту, когда-у подпитываюсь эмоциями хозяина, – ответил он будто нехотя. – А ты, хозяйка, так вкусно страдау-ешь…

Я закрыла лицо руками.

– Боже, какой кошмар…

– О да-у! Еще! – кот натурально млел от моего отчаяния. – Кстати, у нас колбау-ски не осталось? – невинно поинтересовался он, укладываясь прямо на подушку.

– Нет, – припечатала я, вновь оценив его габариты.

Без стыда и совести развалившись на кровати, блохастый театрально вздохнул.

– Ну тогда-у иди раздобудь, а я, так уж и быть, за нас двоих полежу. Кстати, за то, что я тебя на кровать перенеу-с из гостиной, могла бы и спасибо-у сказау-ть. Знаешь, сколько магии вбухал? В общем, колбасы тащи два рогалика.

Скрипя зубами, я нашла в себе силы подняться. И вот мало мне было своих проблем! Впрочем, находить новые на свой филей я всегда умела качественно и с гарантией. Правда, решались они с куда меньшим энтузиазмом.

Оценив еще одну свою проблему вширь и вкось, я все-таки покинула спальню. Но вместо кухни направилась пря-

миком в гардеробную за свежей одеждой, а затем в санузел, потому что психанула. Если в этом доме и было место, способное вернуть мне силы и желание жить, то это точно ванная комната.

Правый глаз ритмично дергался в такт моим шагам.

И продолжил дергаться, когда я вернулась обратно в спальню, облаченная в скромное черное платье. После горячей воды ко мне вернулся боевой настрой. Следовало четко объяснить этому крылатому ужасу, кто в этом доме хозяин.

Ну, то есть хозяйка. И не в доме, а конкретно в этих покоях, потому как на весь дом замахиваться было страшно.

В общем, все, что я знала о котах, сводилось к фразе: «Сразу покажите ему, кто тут главный». Или это все же было про собак?

Развалившийся на кровати котейка встретил меня самодовольным взглядом.

– Ну что, принесла-у мне колбаски? – поинтересовался он нагло.

Я молча вооружилась подушкой. И не таких засранцев пушистых воспитывали!

– Эй! Ты чего-у это удумала? – явно почувствовал неладное кот.

Собравшись в объемный комочек, он отодвинулся от меня, насколько мог, выдерживая приличную дистанцию. Но я на его несчастные глазки не повелась.

– А ну, живо на пол! – приказала я и шлепнула его подуш-

кой по носу. – А ну, пошел в гостиную!

– Хозяйка, ты серьезно?! – недоуменно лупал он глазищами, но с кровати задним ходом слез и отступал в очень правильном направлении.

Даже через узкий проем между дверью и косяком просочился. Я сама в нем едва не застряла, а он пролез!

– На кресло! – отдала я последний приказ.

И удовлетворенно кивнула, когда его тоже исполнили. Правда, прежде блохастый что-то неразборчиво проворчал, да и плелся нехотя, лениво взмахивая крыльями.

– Вот так-то лучше, – резюмировала я, оценив, как немаленькое пушистое тело отлично втиснулось в объемы кресла. – Жди меня здесь и никуда не выходи. И ничего не трогай, понял?

– А колбаски же ты принесеу-шь? – Большие зеленые глаза заглядывали в самую душу.

– У манипуляторов на поводу не ведусь! – рявкнула я и вышла за дверь.

Для надежности следовало и эту дверь чем-нибудь подпереть, чтобы это Юдо никуда не девалось, но мое ночное перемещение из гостиной в спальню явно говорило о том, что границ для этого блохастого не существовало. Причем никаких! Если в моем воспитании имелся внушительный пробел, то в его зияла черная дыра.

Сделав глубокий вдох, я заставила себя успокоиться и отправилась прямиком на кухню. Но не за колбаской для од-

ного вымогателя, а чтобы приготовить примирительный завтрак супругу.

Чтобы выжить в этом мире, мне требовался союзник. Богатый, умный, разносторонне развитый союзник, владеющий доступом к разного рода информации и обширными связями.

Если бы заранее знала, чем закончится моя вылазка, я бы из покоев не выходила.

Глава 7. Завоевать недоверие

Когда я спускалась вниз, дом еще спал. Тишина стояла такая, что был слышен ветер, раскачивающий ветки деревьев снаружи. Они то и дело бились в окна первого этажа, бросая на мраморный пол зловещие тени.

В кухне же обстановка была иной. Над потолком висел одинокий фонарь, который отчего-то не загасили на ночь. Его теплого света хватало, чтобы видеть часть помещения, где мне предстояло готовить для дорогого супруга.

Не то чтобы я считала себя кулинарным гением, но ясно же было, что, если я хотела выжить в этом мире и найти способ вернуться домой, мне следовало наладить отношения с главным источником еды и крыши над головой.

С Машкиным мужем. Считать его своим супругом я категорически отказывалась.

Итак, как говорила тетя Дина: лучший способ завоевать доверие мужчины – это вкусно накормить его. На сытый желудок, как она выражалась, и змея не кусалась, потому что ей было лень. Именно до такого состояния я и собиралась довести Арсарвана, чтобы в случае чего он даже уползти от меня не смог.

Ну или не смог догнать. Все зависело от того, в какое русло повернет наш разговор.

Оценив имеющиеся в поместье запасы, я впечатлилась. В

случае необходимости они позволили бы накормить целую армию. Но хвататься за самые дорогие или неизвестные ингредиенты я не стала.

Зачем придумывать цирк, если клоуны уже уехали?

Взяв из-под стола для удобства плетеную корзинку, я отправилась с ней в найденный мною погреб. Яйца в количестве пяти штук показались мне более чем достаточным завтраком для половозрелого мужчины с учетом использования овощей и колбасы.

Раздобыв напоследок банку соленых огурцов, – исключительно вдохновения ради, – я отправилась разбираться с доступными мне способами готовки. И вот здесь вышла заминка. Как включить плиту на три своеобразные конфорки, я так и не нашла.

Зато смогла растопить обыкновенную печь. Ее сестра стояла в нашем дачном домике, обогревая нас ранней весной и поздней осенью.

Отыскав на полках чугунную сковороду, я порезала колбасу и овощи и быстро замесила приличную омлетную массу. В качестве декора выступали зелень и найденные на полке семечки. Какому растению они принадлежали, я понять так и не смогла, зато на вкус они оказались очень ничего.

Я половинку попробовала.

Последним штрихом стал успокаивающий травяной отвар из ромашки и мяты. Остальные растения остались мною не узнанными, а потому я опять же не стала рисковать.

Не хватало еще отравить супруга в процессе подмазывания. Если этот мир жил в эпоху магического средневековья, меня за это наверняка и казнить могли.

Кухарка появилась на кухне, когда я уже закончила сервировать поднос. Красиво расставить сковороду, чашки и чайничек оказалось непросто. Сверху на салфетки водрузила приборы. Положила и на себя тоже, потому что от такого королевского завтрака в одно лицо кое у кого и морда могла треснуть.

Агланья ворвалась на кухню маленьким ураганом.

– Госпожа! – Она однозначно удивилась, увидев поднос с завтраком. – Да вы что! Да как же это… Да я же сейчас мигом! – горячо заверила меня женщина и ринулась к плите.

Та раскалилась мгновенно, стоило кухарке крутануть круглые конфорки. А я-то все гадала, зачем на них цифры были изображены, а это, оказывается, встроенный таймер.

– Нет-нет, не беспокойтесь, – мягко возразила я, намереваясь все же покинуть кухню. – Я сама уже все приготовила. Я неплохо готовлю. Правда.

– Но… но… – Кухарка испуганно замерла.

Смотрела на меня большими глазами. Складывалось впечатление, будто я объявила, что собираюсь лично отправиться на войну с драконами. Причем в качестве секретного оружия планировала использовать завтрак. Чтобы на памятниках чешуйчато-хвостатым обязательно написали, что они погибли во имя других, спасая человеческий род, не щадя

живота своего.

– Он же мне не чужой, – пожала я плечами и ободряюще улыбнулась. – Могу я для собственного мужа хоть раз сама сделать что-нибудь приятное?

Агланья в ответ только хлопнула ресницами.

– Но, если что, будем вместе страдать, – иронично добавила я и все же вышла, оставив женщину в состоянии легкого шока.

Правда, буквально через миг заглянула обратно.

– Кстати, а вы не знаете, где я могу найти его спальню? Ну или место, где он ночует? – спросила я примирительно.

Координаты местонахождения Арсения мне были выданы более чем точные. Кажется, кухарку этим утром я впечатлила на всю оставшуюся жизнь. Оставалось произвести такой же фурор и при встрече с возможным союзником.

Поместье и правда было впечатляюще огромным. Свернув в один из коридоров на втором этаже, я едва не заблудилась. Вокруг меня двоились и троились абсолютно одинаковые двери, на которых совершенно точно не хватало табличек.

И вот спрашивается, за какими помидорами им тут столько комнат? Да если бы здесь имелись нормальные электричество и отопление, наш граф Монте-Кристо уже разорился бы платить по счетам, а тепловые электросети озолотились бы.

По последнему коридору я петляла минут десять. Агланья

сказала, что дверь в спальню Арсарвана отличалась особой ручкой. Она была изготовлена из серебра, что само по себе отгоняло злых духов.

Когда я это услышала, то почему-то сразу подумала о предыдущей владелице этого тела. А точнее, о том, что спасался желающий развестись супруг именно от жены. В связи с этим и ждала подлянки. Чего-то вроде ведра с водой или сети, которая вздернула бы меня к потолку.

В общем, собравшись с духом, я готовилась к войне. Но попасть в гостиную, а затем и в спальню получилось совершенно без боя. Постучав сначала тихо, а затем уже громче, я толкнула дверь, отчего она скрипнула, и вошла в полутемное помещение, так и не дождавшись разрешения.

Но мне его никто бы и не дал. В сумраке гостиной совершенно никого не было, и я решительно двинулась к другой двери. Планировка напоминала мои покои. Только комнаты располагались зеркально.

Осторожно провернув ручку, я вместе с подносом вошла в полнейшую черноту. Темно было, хоть глаз выколи.

– Простите за вторжение, Ваше Сиятельство, – шепнула я нервно и по привычке зашарила ладонью по ближайшей стене.

Стена оказалась абсолютно гладкой. О том, что на ней просто нет выключателя, я вспомнила лишь через пару секунд.

Земные привычки так легко не сдавались.

– Э-э-э… – Я так и замерла на пороге, не зная, что теперь делать. – Арсарван?

Ответа, к сожалению, не последовало. Сколько бы я ни пыталась напрячь зрение, чтобы рассмотреть хоть что-то, толку от этого действа не было. Я даже не могла понять, находился ли мужчина в своей спальне или ночевал сегодня в другом месте.

Представив, что он был у какой-нибудь пышногрудой любовницы, я почувствовала себя настоящей дурой. Я тут, значит, отношения с ним наладить пытаюсь, от утомительного брака ему помочь избавиться хочу, а он…

Сделав первый шаг, я решила двигаться по памяти. Для этого использовала планировку собственной спальни. Окно тут было точно. Его-то я и собиралась отыскать, чтобы сдвинуть в сторону портьеры и наконец утихомирить собственную фантазию.

В моей фантазии любовница графа имела пятый размер груди и невероятную жажду денег. Иначе ее связь с женатиком я объяснить не могла.

– Господи, хоть бы магией своей какие светильники зарядили… – пробормотала я, осторожно шаря мыском туфли по полу перед каждым дерзким шагом.

Шагов через семь впереди замаячил силуэт скрытого за шторами окна. К нему я направилась уже смелее, но тут же зацепилась за нечто мягкое, разложенное на полу.

– Твою же! – зашипела я, зажмурившись, уже заранее

представляя свое феерическое падение.

Но полет продлился меньше, чем я полагала. В моем представлении я должна была встретиться с полом еще через несколько секунд и получить незабываемые ощущения, звуковое сопровождение и синяки в подарок.

Но пол подо мной появился гораздо раньше.

Сначала с ним встретился поднос, а затем сверху приземлилась и я, заставив кого-то взвыть. Рукав платья оказался в горячем чае, а под пальцами чувствовался омлет.

Но не это было самым ужасным.

– Какого демона?! – рявкнули подо мной, фактически оттолкнув в сторону.

От неожиданности я тихо вскрикнула и попыталась вцепиться в супруга, чтобы не рухнуть с кровати на пол. Но Арсарван оказался проворнее. Он легко высвободился из моего захвата, а я поняла, что пора бежать.

Только его намерения, видимо, совпали с моими.

Новое столкновение привело к тому, что я просто упала на Арсарвана. Мои ладони бесстыдно прошлись по его телу. Вообще, я пыталась нащупать твердую поверхность, но получилось оценить накачанные грудные мышцы, плечи и живот.

А еще колючий подбородок. Он-то и стал причиной, почему меня снова отпихнули в сторону.

Мои ноги как назло запутались в одеяле. Пока уже я пыталась высвободиться, раздался громкий треск и одна из штор

рухнула на пол вместе с концом карниза.

Я зажмурилась от внезапно ударившего по глазам света. Рассмотреть Арсарвана получилось не сразу. Вооружившись колкой шпагой, он стоял у окна в одних коротких светлых льняных штанах, что сидели до бесстыдного низко.

Прикрывать все остальное мужчина и не подумал.

Я же сидела в его кровати. Травяной чай разлился по постельному белью некрасивой лужей. Яркими пятнами сверкали куски омлета, щедро сдобренные овощами. Чашки, чайник и даже сковорода – все было здесь, среди подушек и комьев из одеяла.

Острая даже на вид шпага была направлена Арсарваном прямо на меня.

– Доброе утро, – выдавила я из себя вместе с улыбкой и осторожно выпутала ногу из одеяла. – Извините. Я… пожалуй, пойду.

У меня дела со словами никогда не расходились. Нижняя чакра всегда четко улавливала даже намеки на опасность, а потому я медленно слезла с кровати и без резких движений храбро отправилась в сторону выхода.

Двигалась исключительно бочком, а вот граф не двигался вовсе. У него только глаза горели чистой яростью, словно он вот-вот собирался героически избавить мир от моего присутствия.

– Татия… – в его тихом голосе звучало предупреждение.

Предупреждение о том, что прямо сейчас случится взрыв.

Мне два раза повторять не надо было. Я сделала шаг назад.

– Татия! – прогромыхал Арсарван разъяренно.

В этот момент я поняла, что мне конец.

Я рванула к двери, не помня себя от ужаса. Путь до покоев совсем не отпечатался в моей памяти. Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди.

Забежав в гостиную, я захлопнула дверь. Взгляд растерянно искал, чего бы такого к ней пододвинуть, но через мгновение до меня дошло, что отворялась она как раз таки в коридор.

Развалившийся на кресле кот лениво приоткрыл один глаз.

– Хозяйка, ты что, прячешься? – Блохастый демонстративно зевнул.

Снаружи раздались тяжелые шаги. Сердце упало в пятки.

– Быстро в спальню! – прошипела я и сама рванула к двери.

Когда я оказалась внутри, самый наглый кот на свете уже лежал прямо на кровати, растянувшись как тигр-оппозиционер. В том смысле, что позировал для картины «Любите тайгу, иначе она очень быстро полюбит вас».

– А ну-ка, помоги мне! – потребовала я.

Метнувшись к комоду с другого бока, я изо всех сил толкнула его, чтобы забаррикадировать дверь. И никак не ожидала, что он резко уедет вперед с такой скоростью, словно

дом накренился.

Мой озабоченный взгляд метнулся к кошаку.

– Что-у? – поинтересовался крылатый как ни в чем не бывало, для порядка лизнув когтистую переднюю лапу. – Сама же просила помоу-чь.

Дверь под чужим напором с грохотом дернулась!

– Татия! А ну, немедленно открой! – рявкнули оттуда.

Да так устрашающе, что блохастый мгновенно слетел с кровати. У меня на руках он оказался в единый миг. Я и понять ничего не успела, как мои ноги подкосились и мы вместе с этим комком шерсти уселись на пол. Моя спина уперлась в комод, а мою щеку лизнули шершавым языком, стоило мне с укором посмотреть в наглые зеленые глазищи.

А ведь у огромного кота и язык был соответствующим. Левая сторона лица стала мокрой, а в подарок прилагалось ощущение наждачки на коже.

– Это он убивау-ть тебя пришел, да? – с каким-то неоправданным энтузиазмом шепотом поинтересовался кошак, когда глухой удар в дверь повторился.

Я демонстративно промолчала. Только дышала в его сторону очень зло. Если бы у меня в предках затесался огнедышащий дракон, сейчас бы меня к полу придавливал хоткэт.

– Ну ты это, не теряу-йся, хозяйка. Если что-у, можешь завещать мне свою порцию колбасы. Да и все-у остальное тоже. – На меня смотрели самые честные в мире глаза.

– Спасибо, очень поддержал! – прошипела я и все же

столкнула этот комок шерсти на пол.

У меня под его весом уже ноги отниматься начали!

Снаружи снова раздался стук, но уже не такой яростный как прежде. Свою жену Арсарван больше не окликал. Вероятно, наконец-то остыл.

Я с облегчением выдохнула. От пережитого ужаса мелко подрагивали пальцы на руках, но в принципе, что делать в крайнем случае я уже знала и это успокаивало. У меня имелся свой личный запасной выход из спальни, а нарядов в гардеробной у хозяйки этого дурдома хватило бы, чтобы связать канат метров на сто.

Побег сейчас виделся мне самым лучшим вариантом, но несвоевременным. Кажется, в нелегком деле выползания из задней части «сада» я потеряла своего единственного возможного союзника. Его недоверие к собственной жене я только что саморучно укрепила.

– Боже, ну почему с мужиками так сложно?! – взвыла я, закрыв лицо ладонями.

Мохнатый бок тут же потерся о мою щеку. Отлично, теперь она была не только влажной, но и волосатой от шерсти. Причем из шерсти такой длины запросто можно было косы плести.

– Так вкусно стр-р-радау-ешь, – тяжко вздохнул крылатый и уселся рядом. – Ну хочешь, я ему в тапки нагажу, а?

– Да я уже сама там изрядно нагадила, – призналась я, упершись затылком в комод.

Пораженный взгляд кота медленно переместился на мое лицо. Только тогда до меня дошло, как прозвучала сказанная мною фраза. Еще через миг я уже смеялась как конь, утирая выступившие в уголках глаз слезы.

Мое воображение рисовало потрясающие картины. Особенно мне в них нравилось ошалелое лицо Арсарвана. Такого поступка от своей жены он точно не ожидает.

– Ладно, посмеялись – и хватит. – Утихомирив накатившую истерику, я поднялась и оглядела устроенный мною вчера бардак.

Как бы я ни хотела сбежать прямо сейчас, это желание разумным точно не являлось, а потому бардак следовало убрать. А еще, пока было светло, мне требовалось отыскать ключ от дневника Татии и каким-то образом наведаться в библиотеку.

На разведку в остальную часть поместья я собиралась послать кота. С его-то магическими возможностями! Не воспользоваться этими умениями было глупо.

– Слушай, а тебя как зовут? – улыбнулась я премило, обернувшись к комку шерсти.

Увидев мой оскал, кот медленно перетек на шаг назад. Его усы нервно дернулись.

– А чего-у это ты, хозяйка, мне свои зубы показываешь, а? – нахмурился он и плавно отъехал еще на метр.

Я уселась на край матраса. С ночи он так и оставался «раздетым». Кусок оборванного одеяла до сих пор был привязан

к ножке и скромно лежал на полу, изображая тряпку.

– Уходить ты явно не собираешься, а значит, нам следует познакомиться. Меня вот Маша зовут. Или Аня.

– Так Аня-у или Маша? – насупился сбитый с толку котяра. – И вообще, тебя, по-моему, по-другому окликали.

– Это не меня окликали, – призналась я осторожно. – А я действительно и Аня, и Маша. Родители при рождении Марианной назвали и смылись в неизвестном направлении.

– Ох, как же мы с тобоу-й похожи! Вот я сразу это понял, хозяйка! – непонятно чему обрадовался кот.

И притопал ко мне поближе. Запрыгнув на кровать, улегся рядом.

Мне оставалось только предполагать:

– У тебя тоже двойное имя?

– У меня тоже-у родители звери. В смысле животные безответственные, – пояснил пушистик, заметно расслабившись. – Подкинули меня-у на чужой порог и смылись. Вот скажи-у, ты бы меня, такого красивого, бросила-у? То-то и оно! Звери!

Я усмехнулась его манипуляциям. Кажется, кто-то настойчиво заговаривал мне зубы.

– Слушай, партнер по несчастью, ты либо называй свое имя, либо проваливай восвояси, – потребовала я строго.

Кот разобиженно прижал уши. Смотрел на меня исподлобья, словно пытался призвать к совести, но чего не водилось, того не водилось.

Для порядка тяжко вздохнув пару раз, он нехотя все же признался:

– Нет у меня имени. Пока. Ты мне сама его придумать должна. Только тогда наша привязка станет полной.

– Магическая привязка? – на всякий случай уточнила я.

– А какая еще? – захлопал он зелеными глазищами. – Ты меня-у спасла? Спасла. Кровью своей поделилась? Поделилась.

– Это когда это я с тобой кровью делилась? – опешила я.

– Так когда колбау-ска закончилась. Без крови никак нельзя-у было, хозяйка. Зато теперь я весь твой. Представляешь, как замечательно?

Улыбка клыкастого кота однозначно впечатляла. При желании он, наверное, даже мог попробовать откусить мне голову.

Большие несчастные глаза заглядывали в самую душу. Вот умели же, провокаторы мурчащие!

– А ну-ка, стоп, – возразила я. – Так ты мой или еще пока нет? И не юли, блохастый. А иначе не видать тебе ни колбасы, ни страданий. Вот как сейчас пойду к мужу, как расскажу ему про незваного гостя…

– Хорошо-хорошо, не горячиу-сь! – мгновенно пошел хвостатый напопятную. – Пока имя мне не дашь, привязка не завершится. Сейчас мне не обязательно выполнять твои приказы.

Я победно улыбнулась! И даже уговаривать не придется!

На разведку побежит как миленький!

– Будешь Бергамотом! – торжественно объявила я.

Кошак придирчиво скривился, глядя на меня с недоверием.

– Обзываешься, да?

– Да упаси бог! – воскликнула я радостно. – Бергамот – это что-то между Бегемотом и Обормотом. Первый, кстати, – это большое, величественное животное с невероятным обаянием, а второй… эм… хитрый весельчак. Так вот, Бергамот – это все перечисленное, но только ласковее, ароматнее и вкуснее. Ты вот вкусное любишь?

– Спрау-шиваешь! – фыркнул котяра беззлобно, отчего его усы дернулись. – Да, ты права-у, это точно про меня. Большоу-й, велиу-чественный, с хорошим чувством юмора-у…

– И от скромности не помрешь, – смеялась я про себя, но стоило коту с подозрением глянуть на меня, как я состроила самое честное выражение лица на свете.

У меня был отличный пушистый учитель!

– Бергамоу-т… – Кот задумался, явно оценивая новое имя, а затем благосклонно кивнул: – Да, звучит благороу-дно.

И замолчал. Я тоже сидела молча. Ненароком оглядывалась по сторонам, ожидая, что вот-вот случится какой-нибудь магический спецэффект. Гром там или молния, которые подтвердили бы закрепление нашей связи, но ничего не

происходило.

– И что, и все? Теперь ты должен выполнять мои приказы? Ни дыма, ни взрыва, ни звездочек перед глазами? – уточнила я осторожно.

– Вот так и знау-л, что ты меркантильная, хозяйка, – отозвался кот и тяжело вздохнул, не забывая при этом исподлобья оценивать мою реакцию на свою игру. – Давау-й уже говори, чего тебе надо-у? Только знау-й, я без еды не работаю!

Я посмотрела на него тем самым взглядом, означающим: «Ты серьезно?»

– Но потом-то колбаска будет? – не терял котофей надежды.

– Как только я смогу безопасно выбраться из покоев, – пообещала я, уже заранее чуя, что одной колбаской дело не обойдется. – Итак, Бергамот, расскажи мне о себе. И о том, где мы сейчас находимся.

Глава 8. Исправление ошибок

Мой последний вопрос кошака однозначно удивил, но противиться просьбе он не смог. Так я узнала, что попала в Приалию – империю, что занимала обширные территории не только на этом континенте. Императора прозвали Завоевателем за то, что он за короткий срок подмял под себя все малые государства, но в народе, по обыкновению, обзывали Расхитителем.

Впрочем, обзывали недолго. Нашлись недовольные его правлением и среди знати. Те быстренько соорудили возмездие и упокоили товарища в семейный склеп. Теперь всем нажитым добром заправляла императрица.

О том, что мы находились в графстве Кертилтай, входящем в состав земель герцога ар Риграфа, я уже знала. Как и о том, что город нам принадлежал всего один. Он располагался недалеко от этого поместья и был окружен несколькими деревнями.

То есть фактически семейство выживало за счет налогов и производства разной продукции. Само графство было известно определенным виноградным напитком, которое как раз и имело название «Алая роза» за соответствующий цвет и бархатистый вкус. Его мы регулярно поставляли не только в столицу, но и к императорскому двору. Поставляли на кораблях, имея в городе хоть и небольшой, но при этом при-

личный порт.

Еще из достопримечательностей на наших скромных землях существовал прииск, который был много лет как заброшен. Но Арсарван исправно вкладывал в него средства, выгребая из недр что-то по мелочи. Это кот уже сегодня узнал, подслушав разговор между слугами. Они как раз шептались в коридоре за дверью.

Получив примерное понимание того, где нахожусь, я пока не стала больше ничего спрашивать об этом мире. Сначала выведала информацию о том, насколько сильна наша связь с Бергамотом.

Если верить его словам, осознанно навредить мне он не мог, и это радовало безмерно. С кормежкой тоже все было относительно просто. В течение дня он питался отголосками моих самых ярких эмоций, но иногда нет-нет да и говорил свое веское да вкусняшкам.

А еще был привязан ко мне до моей смерти. Причем ему было крайне выгодно, чтобы я пожила подольше, потому что это воплощение являлось для него последним.

Расправив мощные крылья, кот лениво потянулся на кровати. Я же, слушая его, пересела в кресло.

– Это моя девяу-тая жизнь, – признался он будто между делом, словно это ничего не значило. – Когда ты меня нашла-у, я как раз в очередной раз переродился. Мой предыдущий хозяу-ин помер.

– Прими мои искренние соболез…

– Да лау-дно тебе, – отмахнулся кот и смешливо сморщил нос. – Он тем еще прохиндеем был. Колбау-ски не давал, воровау-ть заставлял.

Растрогавшись, я едва не пустила слезу. Но именно что едва. Ощутив правильные жалостливые веяния, наглый котяра сориентировался мгновенно:

– Можеу-т, по колбаске?

В себя я пришла мигом. Чувствовалось в нем что-то цыганское. Оглянуться не успеешь, как без последних трусов останешься, чтобы кое-кто получил вкусняшку.

– А конкретно здесь ты как оказался?

– Да легко-у! Мы всегда-у перерождаемся поблизости от своего нового хозяина, но приходим только-у к тем, кто нас потянет.

– В смысле прокормит? – уточнила я для порядка.

– В смысле потяу-нет магически. Привяу-зку паразита не каждый пережить может. Для этого определенные эманау-ции необходимо иметь. У тебя-у вот какой магический дар?

Я взглянула на Бергамота недоуменно. К мысли о том, что теперь могу колдовать, я была не готова. Да я об этом даже не задумывалась, хотя определенно стоило бы. Все же граф нашел свою жену в пентаграмме, где она не фенечки из бисера плела.

– Не знаю, – призналась я негромко и замялась. – Понимаешь, тут такое дело. Я же не местная совсем.

– Пф-ф! Удивила-у! Все мы тут приезжие, – ответил он с важным видом.

– Да нет же, я прям совсем не местная.

Подумав мгновение, я решила пойти на откровенность. Не знала, можно ли ему доверять, но причин врать так и не нашла. Мне нужен был кто-то, с кем я откровенно могла обсуждать происходящее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.